

Захватывающий русский детектив

КОММЕРСАНТ

ДЕТЕКТИВ

Владимир Власов

МОНОМАХ СНОВА В ДЕЛЕ

Время деньги - жизнь копейка

Владимир Власов
Мономах. Снова в деле

«ХАРВЕСТ»

2015

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Власов В. Н.

Мономах. Снова в деле / В. Н. Власов — «ХАРВЕСТ», 2015

ISBN 978-985-18-3562-7

Всего год назад герой романа Владимира Власова «Мономах в деле» майор Сергей Толоконников, известный по прозвищу Мономах, командир легендарного отряда «Смерч», и думать не думал, что когда-нибудь будет вспоминать месяцы войны с отвращением, как будто похороны врага. О Мономахе ходили слухи, что он, в прошлом профессиональный киллер, состоявший на службе в секретном отделе ФСБ, прошел испытания в горячих точках мира и в Чечне... Но слухи и домыслы всегда бледны перед лицом жестокой реальности. Роман «Мономах в деле» продолжает суперсериял талантливого писателя Владимира Власова о Мономахе.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3562-7

© Власов В. Н., 2015
© ХАРВЕСТ, 2015

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Власов

Мономах. Снова в деле. Время деньги – жизнь копейка

Часть первая

Глава 1

Труп пробыл в квартире как минимум две недели, и было вообще удивительно, что его все-таки обнаружили. Ведь академик Савельев с соседями почти не общался, вел замкнутый образ жизни, близких родственников не имел. С тех самых пор, как академика отправили на пенсию, к нему перестали ходить и бывшие коллеги. Уж очень деспотичным, говорят, был покойный Савельев, и за время работы в новосибирском научно-исследовательском институте нажил себе немало врагов.

Если бы не собака, симпатичный фокстерьер по кличке Борька, то Валентина Иосифовича Савельева нашли бы, наверное, не раньше зимы. А если бы в Новосибирске отключили центральное отопление, то находиться бы именитому академику в своей квартире до будущей осени. Тем более, что единственная близкая родственница Валентина Иосифовича, племянница Наташа, два года назад разругалась со своим дядюшкой в пух и прах и с тех пор перестала интересоваться его судьбой.

Короче, почет и слава нашим четвероногим друзьям, в особенности фокстерьеру Борьке, который, в общем-то, никогда не слыл сообразительным существом. Однако именно он первым поднял тревогу. А все началось с того, что два дня назад Борька, пробегая мимо двери Савельева, вдруг поджал уши и начал протяжно скулить. Хозяйка собаки, дама неопределенного возраста, живущая двумя этажами выше, вначале не обратила на это никакого внимания. Тем более, что ее Борька отличался взбалмошным и своенравным характером. Но когда точно такая же сцена повторилась и на следующий день, то хозяйка забеспокоилась и позвонила Савельеву в дверь. В этот самый момент пес взвизгнул «человеческим голосом» (это цитата) и, поджав хвост, метнулся вниз по лестнице.

Хозяйка собаки была дамой современной, передачу «В мире животных» смотрела регулярно, ко всему прочему увлекалась спиритизмом, экстрасенсами, медиумами и, исходя из вышеперечисленных пристрастий, истолковала невроз Борьки вполне определенно. Припомнив, что в последнее время Валентин Иосифович Савельев не попадался ей на глаза, дама, не раздумывая, вызвала участкового. Тот, несколько раз позвонив в дверь и не дождавшись никаких результатов, послал в домоуправление за слесарем...

В тот же день в квартиру Савельева прибыла оперативно-следственная бригада во главе с дежурным следователем Высоцким. Труп академика Савельева, в недалеком прошлом Героя Соцтруда, лауреата Ленинской премии за достижения в области ядерной физики, а ныне простого пенсионера, был обнаружен в собственной ванной, повешенным на бельевой веревке. На первый взгляд – чистой воды самоубийство. Но после беглого осмотра эксперт-криминалист категорично заявил, что ни один нормальный человек (разве что акробат) не в состоянии свести счеты с жизнью таким способом. Во-первых, невысокий Савельев никак не смог бы навязать веревку на торчащий в потолке крюк. Для этого ему понадобилась бы лестница, которой в квартире не оказалось. Естественно, академик мог одолжить лестницу у соседей, подвязать веревку на крюк, затем отнести лестницу обратно... Теоретически это возможно. Вот только

самоубийцы так не поступают. Психология не та. Тем более, что в верхнем шкафчике комода был обнаружен заряженный восемью патронами пистолет Макарова, а также запасной магазин к нему. А куда проще пустить себе пулю в лоб, чем сооружать в ванной комнате настоящие баррикады.

Не оказалось в квартире и предсмертной записки, обычного атрибута всех самоубийств. Оперативники тщательно перерыли все комнаты, просмотрели все файлы на компьютере, но не обнаружили никаких доказательств того, что Савельев собирался наложить на себя руки. Разве что это решение пришло спонтанно?

Чуть позже из лаборатории сообщили результаты вскрытия, подтверждающие предположение криминалиста, – на веревке в ванной был повешен труп. Академик Савельев умер от точного удара, в результате которого были переломаны шейные позвонки. Такой удар мог нанести только профессионал.

– Только этого нам не хватало! – мрачно пробормотал следователь Высоцкий, узнав о заключении экспертов-медиков. – Всемирно известный академик Савельев, и убит. И как раз на мое дежурство!

– Да, не повезло нам, – согласился Коля Быховцев, симпатичный, кареглазый оперативник. – А я как раз собирался уйти в отпуск... Теперь, наверное, не выйдет.

– И кому это понадобилось убивать шестидесятилетнего старика? – никак не мог угомониться Высоцкий. – На ограбление вроде бы не похоже – в квартире полный порядок. Да и зачем было подвешивать его в ванной?

Коля Быховцев успел лишь пожать плечами – в этот момент дверь, ведущая в квартиру Савельева, распахнулась, и порог переступил невысокий крепыш в кожаной куртке. За его спиной маячили головы еще двух парней, как две капли воды похожих на вошедшего. Точно такие же куртки, лица, не выражающие ничего определенного.

– Майор Валахов, ФСБ, – мрачно изрек тот, кто вошел первым, и показал Высоцкому свое удостоверение.

Следователь немного смутился, но тут же почувствовал, как в груди нарастает неоправданное ликование – появление московского эфэсбэшника в квартире Савельева не могло быть случайным, и, судя по всему, дело об убийстве академика «службисты» собирались забрать себе.

Пока следователь тщетно пытался скрыть свое облегчение, майор Валахов уверенно прошел в комнату, остановился перед включенным компьютером и принялся по-хозяйски осматриваться. Его спутники сразу же приступили к осмотру места происшествия. Высоцкий топтался в стороне, не совсем понимая, почему майор Валахов так явно игнорирует его присутствие. Словно не он, следователь Высоцкий, проделал воистину адскую работу – допросил десятки свидетелей, лично позвонил в лабораторию и, наобещав золотые горы, уговорил экспертов-медиков побыстрее произвести вскрытие. Облегчение сменила досада, и, глядя на самоуверенного майора, следователь сразу же почувствовал себя лишним.

К слову сказать, столичный гость сразу не понравился Высоцкому. Не понравился почти демонстративным самоуважением и независимостью. Его глубоко посаженные, с холодным блеском глаза пугали, но одновременно и завораживали некой непонятной силой и энергетикой...

«Сразу видно, что он не просто служака-исполнитель, – подумал Высоцкий, стараясь не встречаться с майором взглядом. – Да, не хотел бы я иметь в своем подчинении такого парня... От него веет смертью».

Майор ФСБ Константин Валахов ни на минуту не сомневался в том, что смерть академика Савельева – дело рук тех самых неуловимых убийц, которые охотятся за «ядерным чемоданчиком». Они методично и с беспощадной жестокостью уничтожали всех, кто имел какое-

либо отношение к этому опасному проекту. За последние три месяца были убиты четверо бывших сотрудников новосибирского НИИ, трое из которых проживали в Москве. Все они когда-то работали над проектом ядерной мини-установки, автором которой являлся Валентин Иосифович Савельев.

Именно здесь, в Новосибирске, десять лет назад был придуман и создан первый «черный чемоданчик». Естественно, все это хранилось в строжайшем секрете от общественности, и лишь некоторые члены правительства и пару генералов КГБ знали об этом проекте.

Первая партия «чемоданчиков» прямым ходом направилась в известное ведомство, дабы использоваться по прямому назначению – этими ядерными установками собирались снабдить агентов, засылаемых на вражескую территорию. Но времена «холодной войны» давно канули в небытие, и о грозных «чемоданчиках» почти забыли. И наверняка забыли бы, если бы не одно важное обстоятельство – несколько жестоких убийств, узнав подробности которых, даже самые опытные оперативники брезгливо морщились и отводили глаза. Людей, павших жертвой этих преступлений, связывало только одно – десять лет назад они работали в новосибирском научно-исследовательском институте под руководством Валентина Иосифовича Савельева.

Но вначале, естественно, никто не связывал эти преступления с ядерными чемоданчиками. Вначале были просто убийства с отягчающими обстоятельствами, совершенными группой неизвестных. Эти «неизвестные» действовали весьма ловко и расчетливо – после себя они не оставляли никаких улик и зацепок.

Три месяца назад, в самый разгар дачного сезона, на своем приусадебном участке в пятидесяти километрах от Москвы, был найден труп Антона Смагорина, директора частной гимназии. По утверждению жены, в тот день Антон Смагорин был как обычно весел, спокоен и, отправляясь на дачу, пообещал вернуться часиков в семь вечера. Но он не приехал ни в семь вечера, ни на следующий день, и тогда жена, заподозрив что-то неладное, отправилась на участок на электричке. Она и обнаружила в доме труп мужа.

Экспертиза показала, что, перед тем как перерезать Смагорину горло, его зверски пытали, наверняка надеясь узнать что-то важное. Вряд ли Антон Смагорин считал Олега Кошевого, знаменитого молодого гвардейца, своим героем и, скорее всего, рассказал преступникам все, что знал. Но что мог знать обычный директор пусть даже и частной гимназии? И зачем кому-то понадобилось его убивать?

Какое-то время ушло на то, чтобы отыскать свидетелей этого страшного преступления. Ведь дача Смагоориных стояла не на отшибе, а в окружении точно таких же домиков. И хотя убийство произошло в начале июля (самый разгар дачного сезона), как ни странно, никто из соседей ничего не видел и не слышал. Оперативники московского уголовного розыска с ног сбились, проверяя различные версии. Как ни странно, но в окружении Смагорина так и не нашлось людей, которые могли пролить свет на эту непонятную историю. Все, включая жену потерпевшего и его коллег по работе, в один голос твердили, что ничем помочь не могут. В конце концов, оперативники пришли к закономерному выводу – Антона Смагорина убили по ошибке.

Не прошло и месяца, как в подмосковном городе Воскресенске, в одном из уютных дворов был найден труп пенсионерки Веры Михайловны Березовой. Пожилую женщину долго истязали, о чем свидетельствовали многочисленные ножевые ранения, и в конце концов прикончили ударом тяжелого предмета по затылку. И опять следствие зашло в тупик, так как никто из жителей дома не видел ничего подозрительного. Вероятнее всего, Березову убили где-то в другом месте, а труп подбросили в этот тихий дворик. У пенсионерки не было близких родственников, муж умер три года назад, поэтому никто особенно не возмущался, когда это дело тихо замяли.

На этом кровавая эпопея не закончилась. В начале сентября жителей Москвы потрясла страшная новость – Розин Лев Леонидович, молодой, подающий надежды физик, выбросился

из окна. Это связывали с семейными неурядицами – жена Розина, красавица-актриса Галина Новожилова, периодически наставляла мужу рога. Однако все, кто был хорошо знаком с Розиным, уверяли, что тот никогда не принимал близко к сердцу шалости прекрасной актрисы. Он был так углублен в свою науку, что у него просто не оставалось времени на размышления о личной жизни. Значит, причина, по которой молодой ученый покончил жизнь самоубийством, крылась в чем-то другом. До определенного момента ни у кого не вызывало сомнений, что Розин выбросился из окна сам. Пока не появилась важная свидетельница. Точнее, свидетелей было двое – подростки, живущие в соседнем доме. В тот вечер, когда произошла эта страшная трагедия, Маша и Миша целовались на той самой лестничной площадке, на которой находилась квартира Розина. Они и видели, что примерно за час до самоубийства к молодому ученому пришли трое. Трое молодых, хорошо одетых мужчин. Без всяких проблем Розин впустил поздних гостей в квартиру, а через полчаса они преспокойно вышли. А еще через двадцать минут Лев Леонидович выбросился из окна.

Юная Маша, которой в отличие от своего дружка удалось разглядеть тех самых мужчин, упорно уверяла, что гости были молодые, смуглые и темноволосые. И очень похожи на кавказцев. Только в отличие от обычных кавказцев одеты очень даже прилично – в серые костюмы, галстуки и белоснежные рубашки. Самые настоящие денди!

Что могло связывать перспективного ученого Розина и «кавказцев», пусть даже и денди, так и осталось для оперативников загадкой. Тем не менее они с удвоенной энергией принялись отрабатывать версию самоубийства. На данном этапе к делу совершенно неожиданно для уголовного розыска подключились сотрудники ФСБ. Это произошло по двум причинам. Во-первых, Лев Розин долгое время занимался сверхсекретными проектами и в определенных кругах был известен не только как разработчик «мирного атома»; во-вторых, одна из групп ФСБ давно висела на хвосте чеченской группировки, торговавшей оружием. Парни, которые приходили к Розину за полчаса до гибели, вполне подходили под описание некоторых боевиков.

Беда, однако, состояла в том, что ФСБ и Московский уголовный розыск долгое время никак не могли сработать. Оперативники пытались тянуть одеяло на себя, неизвестно по какой причине утаивали немаловажные факты, а эфэбэшники с тупым упорством проталкивали свою версию – связь Розина с торговцами оружием. Все эта катавасия тянулась многие недели, пока, наконец, майор Валахов, опять-таки совершенно случайно, не обнаружил, что покойный физик десять лет назад был знаком с Антоном Смагоринным, директором частной гимназии. Эти двое были не только знакомы, но и работали вместе в новосибирском научно-исследовательском институте под руководством академика Савельева. Пять лет назад Антон Смагорин женился и переехал в Москву, а Розина пригласили в столицу еще раньше. Это могло показаться странным, но бывшие коллеги даже не перезванивались. Во всяком случае, жена Антона не могла вспомнить, чтобы муж когда-либо упоминал о Льве Розине.

Этот факт заинтересовал майора Балахова, и он принялся тщательно изучать биографии ныне покойных научных сотрудников. И тут майор натолкнулся еще на один, не менее интересный факт. Как оказалось, пенсионерка Вера Михайловна Березова, найденная мертвой во дворе частного дома, тоже имела отношение к новосибирскому институту и, в частности, к академику Савельеву.

В те годы, когда и Розин, и Смагорин корпели над своими научными проектами, Вера Михайловна работала в лаборатории термоядерных исследований, и как утверждали злые языки, с академиком Савельевым ее связывали не только профессиональные интересы.

Неизвестно по какой причине, но майор Валахов вплотную занялся разработкой этой фантастической версии. В то время он еще не знал, что именно его интересует, но чувствовал, что бывших работников института убивают не случайно. Майор подготовил начальству подробный отчет о проделанном расследовании, в котором не было ни единого намека на свои домыслы. Он и сам не мог объяснить, почему поступил именно так, а не иначе. Возможно,

опасался, что начальство посчитает, что это дело не входит в его компетенцию, и передаст расследование кому-то другому. И если он и будет задействован в этой операции, то на его долю выпадут узкоспециальные задачи. А этого Валахов не любил и боялся больше всего. Он не привык отступать на полпути и именно поэтому впервые в жизни не указал в своем рапорте истинные факты...

Личное дело майора Балахова ничем не отличалось от других личных дел работников подобного класса: Афганистан, «Альфа», два ордена за участие в особо секретных операциях; холост; дисциплинирован, инициативен; отличается нестандартным мышлением; самолюбив, своенравен; предпочитает работать в одиночку или с малыми группами. У него не было никаких серьезных провинностей, поэтому майор Валахов мог, не вызывая серьезных подозрений со стороны начальства, осторожно прощупывать свою версию.

А начал он с того, что отыскал внучатую племянницу Веры Михайловны Березовой и решил поговорить с ней. Неофициально. Не заносил ее показания в отчет. И не особенно надеялся на то, что девушка чем-то поможет ему.

Племянницу звали Снежаной Березовой, ей было двадцать три года, и она работала в одной из московских компьютерных фирм. Фирма «Балатон» была вполне солидной, но не настолько, чтобы диктовать на рынке свои условия.

Валахов появился в офисе без предварительного звонка и сразу решил взять быка за рога, проще говоря, показал свое удостоверение офицера ФСБ. К его немалому удивлению, Снежана оказалась не только хорошенькой, но и умненькой. Наверное, свою роль сыграли гены покойной тетушки.

Когда майор переступил порог, девушка сидела перед огромным монитором, щелкала по клавишам, не глядя на клавиатуру. В первое мгновение никак не среагировала на появление в офисе сотрудника Службы безопасности. Слово подобные посетители заглядывали в их фирму чуть ли не ежечасно. Тем не менее удостоверение Балахова она изучила достаточно внимательно. Затем подняла на него огромные голубые глаза и спросила:

– С каких это пор смертью простых российских граждан заинтересовалось наше доблестное управление?

– Ну, – замылся майор, не ожидавший, что симпатичная блондинка так скоро догадается о цели его визита. – Почему вы решили, что меня интересует смерть вашей родственницы?

– Потому что лично я не совершила ничего противозаконного. Моя жизнь весьма однообразна: дом, работа и ничего более. Никаких происшествий, никаких эмоциональных встрясок. За последние полгода лишь одно событие потрясло меня до глубины души – смерть моей тети. Вывод напрашивается сам собой – вы пришли сюда для того, чтобы поговорить со мной об этом ужасном происшествии.

– Да, вы правы, – вынужден был согласиться Валахов и оглянулся в поисках стула.

Снежана жестом предложила майору присесть на мягкий кожаный диван и спустя несколько секунд устроилась рядом. Закурив сигарету, пытливо посмотрела на Балахова и чуть насмешливо улыбнулась:

– Ну, майор, задавайте свои вопросы.

– Скажите, почему ваша тетя переехала в Воскресенск?

– Не знаю. Наверное, потянуло в родные места... Насколько мне известно, она давно носилась с этой идеей – обменять свою квартиру в Новосибирске на жилплощадь поближе к Москве. А когда ее мужа отправили на пенсию, подвернулся один вариант. Воскресенск не самый плохой город, верно?

– Верно, – вынужден был согласиться Валахов. – Вы часто с ней встречались?

– Скорее, нет. Перезванивались часто, а вот чтобы ездить друг к другу в гости – это нет. Сами понимаете, я ведь работаю. У меня редко выпадают свободные дни.

– Скажите, Снежана, а кто, по-вашему, мог убить вашу тетю?

Пожав плечами, девушка тяжело вздохнула.

– Не знаю. Подобный вопрос мне задавал и следователь. И мне показалось, что он почему-то подозревает именно меня. Только зачем мне было убивать свою тетку? После ее смерти мне досталась однокомнатная хрущевка в Воскресенске, парочка дорогих украшений, но, согласитесь, это не повод, чтобы совершить подобное преступление.

– Как вы считаете, у Веры Михайловны могли быть враги?

Снежана грустно усмехнулась и покачала головой.

– Боже мой, какие враги могут быть у шестидесятилетней, больной женщины?!

– Не забывайте, что ваша родственница в свое время работала в секретной лаборатории, – негромко заметил Валахов.

– Это было так давно, лет десять назад, наверное... Не думаю, что это как-то взаимосвязано. Скорее всего, моя тетушка стала случайной жертвой уличных наркоманов. Или какого-нибудь маньяка.

– Значит, вам кажется, что смерть Веры Михайловны никак не связана с ее прежней работой? – уточнил Валахов.

– Я этого не утверждаю, – быстро среагировала Снежана. – Но моя тетя никогда не производила впечатление человека, который чего-то опасается. Скорее, наоборот, сама могла поставить на место кого угодно. Знаете, она была женщиной старой закалки, такая честная коммунистка. Искренне верила, что нынешняя демократия ни к чему хорошему не приведет. Частенько с ностальгией вспоминала старые добрые времена...

– И академика Савельева?

– И академика Савельева, – ничуть не смутилась Снежана. – Она боготворила его, называла гением нашей эпохи и все такое прочее. Иногда мне казалось, что тетя была в него тайно влюблена.

– Они поддерживали какие-либо отношения?

– Да. Часто перезванивались. Год назад тетя даже ездила к нему в Новосибирск. Правда, она утверждала, что едет навестить старых приятельниц, но мне почему-то показалось, что она отправилась в это дорогостоящее путешествие только ради того, чтобы увидеть Валентина Иосифовича.

– А с кем еще из своих прежних коллег встречалась Вера Михайловна?

– Я не знаю. Кажется, в Новосибирске у нее осталась старая подруга... Ксения Петровна Завгородняя. Адреса, к сожалению, не помню. Именно поэтому я не пригласила ее на похороны тети.

Пометив в блокноте данные Завгородней, майор спросил:

– Антон Смагорин, Лев Розин – эти фамилии она никогда не упоминала?

На мгновение Снежана задумалась, а затем решительно ответила «нет».

– Я ведь была с теткой не настолько близка, как вам кажется. Все-таки разница в возрасте, хотя мы относились к друг другу с уважением. Именно поэтому я никогда не расспрашивала тетю Веру о ее личной жизни, а она старалась не вмешиваться в мои дела. Поэтому я даже не представляю, какие отношения были у нее с академиком Савельевым.

– Что ж, спасибо вам за помощь, – сухо поблагодарил Валахов.

– Да вроде не за что, – улыбнулась девушка. – Если что, заходите. Всегда к вашим услугам...

После разговора со Снежаной Валахов испытал чувство глубокого неудовлетворения. Узнать удалось немного, хотя майор здорово рассчитывал, что в беседе с племянницей покойной может всплыть какая-либо важная информация. Но, похоже, в свое время Снежану мало интересовали проблемы тетки. Балахову даже показалось, что девушке глубоко наплевать, как продвигается следствие по делу об убийстве пенсионерки Березовой. Такое неприкрытое равнодушие пугало, вызывало глупое раздражение, однако майор ничем не выдал своих истинных

чувств. Вполне дружелюбно попрощался и спокойно покинул офис, в глубине души надеясь, что больше судьба не сведет его с этой красивой, расчетливой блондинкой.

Интуиция подсказывала Балахову, что убийства бывших сотрудников новосибирского института как-то связаны между собой. И тогда майор на свой страх и риск решил отправиться в Новосибирск и поговорить с Савельевым. Перед тем как поехать в командировку, он по своим каналам попытался узнать, над каким проектом работали академик Савельев и Вера Михайловна Березова. Как ни странно, но это оказалось не простой задачей. Прошло не два дня, и даже не неделя, пока Балахову наконец удалось получить ответ на свой запрос. Впрочем, этот ответ оправдал даже самые немислимые ожидания и расставил все точки над «Б» – десять лет назад Савельев и его группа, в которую входили Лев Розин, Антон Смагорин и Вера Михайловна Березова, разрабатывали проект ядерной мини-установки, проще говоря, «ядерного чемоданчика». Это известие повергло Балахова в почти шоковое состояние. Теперь все преступления, совершенные неизвестными, укладывались в определенную схему – убийцы методично уничтожали тех, кто имел самое непосредственное отношение к грозному оружию, умещавшемуся в чемоданчике. Но зачем? Пролить свет на эти обстоятельства мог только академик Савельев. И тогда Валахов решил слетать в командировку в Новосибирск...

Не успел майор Валахов переступить порог местного отделения ФСБ, как на его голову свалилось сообщение о смерти академика Савельева. Даже если бы Валахов отправился в Новосибирск сразу же, как только узнал о ядерном чемоданчике, то это ровным счетом ничего бы не изменило – по данным экспертизы труп пробыл в квартире не меньше двух недель. Последняя ниточка, ведущая к раскрытию преступлений, была утеряна, однако майор не привык поддаваться панике. Он немедленно связался с Москвой и запросил разрешение о передаче расследования его бригаде. Балахову чудом удалось убедить начальство, что смерть академика Савельева заслуживает пристального внимания. В конце концов разрешение было получено, и теперь майор мог надеяться только на самого себя и на удачу...

Глава 2

Казалось, целая вечность прошла с того самого момента, когда Сергей Толоконников последний раз созерцал развалины Грозного. Он не любил рассказывать об этом периоде своей жизни. После боевых действий в Чечне ему даже перестали нравиться горы. Теперь он искренне не понимал, почему когда-то мечтал заниматься альпинизмом. Сергей с содроганием вспоминал высокие вершины, поросшие кустарником, где любое ущелье могло оказаться убежищем для чеченского снайпера. Чувство опасности не покидало его с той секунды, когда он впервые ступил на чужую землю. Чувство опасности, смешанное со странным ощущением упоенного восторга – вот он я, Серега Мономах, сильный и смелый, хожу тут и сам черт мне не страшен. Он знал, что его уверенность и спокойствие заряжали бойцов невидимой энергией, они верили ему, любили его и за глаза называли Мономахом. Возможно, если бы не тот роковой осколок разорвавшегося снаряда, Сергей бы по-прежнему воевал и наверняка уже получил бы звание полковника. И в конце концов купил бы себе альпинистское снаряжение. Но после ранения позвоночника Мономах уже не смог встать на ноги...

А ведь всего год назад он, майор Сергей Толоконников, командир легендарного отряда «Смерч», и думать не думал, что когда-нибудь будет вспоминать эти месяцы войны с брезгливым отвращением. Как будто чьи-то похороны. В том бою погибли почти все его ребята. Их безусые, юные лица часто снились Мономаху по ночам. Безусые, юные лица и звонкие мальчишечьи голоса, зовущие в никуда.

Иногда Сергею казалось, что он выбрал не тот путь, не надо было ему заниматься этим чертовым охранным бизнесом. Что толку, сидя в инвалидном кресле, отдавать распоряжения по телефону, когда всю самую интересную и сложную работу за тебя делают другие? Тем не менее его охранное предприятие «Олимп» процветало. В первую очередь благодаря тому, что Мономах, не отступив от собственных принципов, набрал в свою команду самых настоящих профессионалов – бывших спецназовцев, некогда служивших в отрядах «Альфа», «Вега», «Вымпел», «Витязь» и уволенных в запас по той или иной причине. Чаще всего причина была весьма простая – тяжелое ранение, после которого боец уже не обладал прежней выносливостью, то есть не мог участвовать в особо сложных операциях.

Об увольнении в запас обычно сообщалось уже в госпитале и не вполне тактично. Естественно, бывшего спецназовца награждали медалью, но тут же говорили, что свой долг перед Родиной он уже выполнил. Как известно, ничто не действует на бойца так удручающе, как мысль о том, что он никому не нужен. Это подкашивает не только физически, но и морально. После такого, воистину хамского обращения, многие, некогда прославленные герои спивались, многие оказывались в психушке. Из общей массы бойцов, уволенных в запас, только самый мизерный процент каким-то образом сумел приспособиться к жизни на «гражданке».

Открыв свое охранное предприятие, Мономах сразу решил, что будет набирать себе только профессионалов, то есть бойцов спецназа. Его ничуть не волновало, что бывший «альфовец» или «веговец» уже несколько месяцев, а то и лет не держал в руках оружия и больше походил на завсегдатая пивного бара, чем на бравого разведчика-диверсанта, у которого за плечами сотни «зачисток» вражеских объектов. Главное, что все эти капитаны, лейтенанты, сержанты когда-то прошли школу выживания, а если на какой-то период времени сошли на запасный путь, то не беда – несколько недель упорных тренировок, и все станет на свои места.

Мономах поставил на профессионалов и не ошибся. Не прошло и трех месяцев, как его охранное предприятие «Олимп» стало набирать обороты. А еще через два месяца даже появилась прибыль. Вначале ребята работали за минимальную зарплату, почти «за спасибо». У «Олимпа» не было даже собственного офиса, не говоря уже о подобающем техническом обеспечении. Лишь голый энтузиазм, желание работать и вера в то, что в конце концов им удастся

победить бешеную конкуренцию. И они победили. Потому что парни, которые участвовали в «диверсионных операциях», а затем были выброшены за ненадобностью за борт военной жизни, оказались настоящими бойцами.

С профессионалами хотели работать все – «новые русские», банкиры, мелкие предприниматели, бизнесмены и даже депутаты Государственной Думы. Уволившись с военной службы, Мономах не растерял старые контакты. У него остались приятели в МВД, на Петровке, в прокуратуре, у которых можно было выудить интересующую информацию, естественно, за определенную плату. Благодаря этим маленьким хитростям Мономаху удалось значительно повысить рейтинг собственного охранного агентства, тем более, что иногда его подопечным приходилось не только охранять клиентов, но и выполнять детективные услуги.

Короче, репутация у «Олимпа» была устоявшейся, клиентура – постоянной, самое время позволить себе расслабиться и отдохнуть где-нибудь на Канарах. Благо финансы позволяли, да и некогда богатырское здоровье неплохо было бы поддержать порцией положительных эмоций. Но Мономах даже представить себе не мог, что он хотя бы на месяц расстанется с любимым детищем. Он уже всем сердцем прикипел к своему «Олимпу», к своим охранникам, да и клиенты, несмотря на всевозможные причуды, казались ему не самыми плохими людьми на свете. Лишь одна-единственная мысль не давала Мономаху покоя – он никак не мог смириться с приговором врачей, утверждавших, что он никогда не сможет ходить. И хотя Сергей выслушал сотни одинаковых заключений самых разных специалистов, что-то мешало ему до конца поверить маститым профессорам. Впрочем, Мономах понимал: пока он будет верить в самого себя, у него не пропадет желание работать. Но стоит опустить руки, как все пойдет кувырком.

К сожалению, каждые полгода Сергей Толоконников должен был ложиться в клинику на обследование. И как раз две недели назад позвонил профессор Преображенский и тактично напомнил об этом.

Десять дней валяться на больничной койке никак не входило в планы Мономаха, и он наотрез отказался. Почему – и сам не мог объяснить. Возможно, потому, что летнее затишье наконец сменила долгожданная осень. А осенью, как известно, активизируются не только депутаты.

Однако на этот раз прогнозы Мономаха не оправдались – на календаре стояло начало октября, а на горизонте, кроме постоянных клиентов, перед которыми у «Олимпа» имелись долгосрочные обязательства, никто не появлялся. Даже Леха Дардыкин, лучший друг и соратник Мономаха, по натуре оптимист, совсем пал духом и вместо того, чтобы следить за физической подготовкой охранников, целыми днями пропадал у своей пассии. Сергею Толоконникову не оставалось ничего иного, как сидеть в своем офисе и заниматься самообразованием – слава богу, теперь любой владелец персонального компьютера имел доступ к глобальной сети Internet и при желании мог вытаскивать оттуда любую интересующую его информацию.

Телефон внутренней связи зазвонил как всегда неожиданно.

– Сергей Владимирович, вы заняты? – послышался в трубке взволнованный голос секретарши Наденьки.

Создавалось впечатление, будто девушка только что сдала зачет по стометровке и лишь после пробега приступила к своим непосредственным обязанностям.

– А что, собственно, произошло? – немного удивился Сергей. – Опять проверка из налоговой инспекции?

Чуть помедлив, Наденька уже более спокойно проговорила:

– К вам посетитель. Очень важный.

– Что ж, прекрасно. Приглашай его ко мне, буду рад.

И это была не просто вежливая фраза, которая обычно произносится в подобных случаях. Мономах на самом деле искренне обрадовался, что кто-то наконец пожелал воспользоваться

услугами его агентства. Оставалось надеяться лишь на то, что посетитель побеспокоил его не по пустяку.

Дверь кабинета с треском распахнулась, и порог решительно переступили двое высоких парней. Окинув помещение профессиональными взглядами и убедившись, что в кабинете кроме Мономаха никого нет, шагнули назад, в приемную. Вместо них в дверном проеме появился невысокий крепкий мужчина лет сорока семи в темно-сером костюме и ярком галстуке. Лицо, словно высеченное из мрамора, маленькие, глубоко посаженные глаза, выдающийся вперед подбородок – человека с такой внешностью очень легко запомнить. Тем более, что в свое время он был любимцем многих телеканалов. Журналисты, энергично пихая друг друга локтями, боролись за право первым взять у него интервью. Теперь, после отставки, интерес к генералу Боброву несколько поулег, однако даже сейчас на экране время от времени мелькала его физиономия. С присущей ему безапелляционностью генерал в основном ругал нынешнее правительство, президента, коммунистов, жириновцев и иногда делал сенсационные заявления, ничуть не заботясь о том, что тем самым открывает военные секреты.

И хотя за последние полгода имидж Боброва претерпел некоторые изменения, но, как подозревал Мономах, сущность этого человека осталась прежней. Генерал был не из тех людей, которые меняли свои принципы, как галстуки. Чувствовалось, что он не привык все делать наполовину, и если уж Бобров соизволил переступить порог этого кабинета, то не для того, чтобы удариться в воспоминания о Чечне, где он, будучи главой Совета безопасности, провел несколько месяцев.

– Здравствуйте, – энергично поздоровался генерал и подошел к столу, чтобы обменяться рукопожатием.

– Здравствуйте, – кивнул Толоконников, решив, что с этим человеком надо держать ухо востро.

– Здесь можно курить? – не дожидаясь разрешения, Бобров вытащил из кармана пиджака пачку «Кэмела» и щелкнул зажигалкой.

«Интересно, зачем он ко мне пожаловал? – принялся размышлять Мономах, не сводя с посетителя внимательного взгляда. – Телохранители у него есть, жена не гуляет, дети тоже ведут себя вполне прилично – не колются, не скандалят, тусовки не посещают. Любовница?.. А что, это вариант! У такого мужика, как генерал Бобров, должно быть много женщин. И хотя он подчеркнуто демонстрирует любовь к законной супруге, уверен, грешки за ним водятся».

На мгновение Сергею показалось, что Бобров не знает, с чего начать разговор и как потактичнее изложить свою просьбу. И он решил помочь генералу. Так сказать, сделать первый шаг.

– Наверное, вы не случайно обратились именно к нам, – медленно начал Мономах. – И прежде чем прийти сюда, вы узнали все о нашем агентстве. Хочу еще раз подчеркнуть, что «Олимп» имеет вполне устоявшуюся репутацию, и наши клиенты всегда или почти всегда остаются довольны работой моих сотрудников. Исключения столь редки, что...

– Я много слышан о ваших подвигах в Чечне, – неожиданно перебил генерал. – И именно поэтому я здесь.

Такая резкая смена темы повергла Мономаха в замешательство. Впрочем, он тут же внутренне собрался и посмотрел на генерала с любопытством.

– Интересно, какой период моей биографии интересует вас больше всего? – сам того не желая, Мономах произнес эту фразу с неприкрытым сарказмом и тут же пожалел об этом – нарываться на грубость не входило в его планы.

К немалому удивлению Толоконникова, Бобров совершенно не обиделся. Лишь едва заметно усмехнулся и аккуратно затушил сигарету о край пепельницы.

– Я приехал сюда не для того, чтобы заключать с вашим агентством договор. У меня, слава богу, своих телохранителей хоть пруд пруди. – Бобров выразительно посмотрел на

дверь. – Сидят балбесы в приемной, болтают с вашей секретаршей и рады по уши, что какое-то время могут не думать о безопасности своего хозяина.

– Если я правильно понял, вы здесь, чтобы познакомиться со мной? – холодно уточнил Мономах.

– Да.

– Что ж, мне очень приятно. К сожалению, не могу уделить вам слишком много времени: дела, знаете. Клиенты ведь народ непредсказуемый, а угодить каждому невозможно, хотя мы и очень стараемся. И если в назначенное время я не смогу принять человека, который записался на эту встречу заранее, он здорово обидится. Вы понимаете, что я имею в виду?

«Надеюсь, я выразился предельно ясно? – мысленно прикинул Толоконников. – И он наконец поймет, что я не расцениваю его визит, как явление Божье. Интересно все-таки, что генералу от меня нужно?..»

Бобров, продолжая улыбаться, не отрываясь, смотрел на Мономаха. От его цепкого, оценивающего взгляда становилось не по себе и невольно в памяти возникала знаменитая, крылатая фраза про кролика и удава.

– Я наблюдаю за вами очень давно, и мне нравится ваша жизненная позиция, – наконец разжал губы Бобров. – Вы умеете приспособливаться к любым условиям, и именно за это я вас уважаю. Уверен, что девяносто девять процентов людей, потеряв способность двигаться, вряд ли бы смогли жить нормальной, полноценной жизнью. Не говоря уже о том, чтобы открыть свое собственное дело.

Судя по всему, подобные комплименты из уст генерала срывались не часто (не считая, конечно, комплиментов в свой адрес). Нетрудно было догадаться, что Бобров сделал паузу лишь для того, чтобы дать собеседнику возможность высказать ответные слова благодарности. Однако Мономах решил твердо придерживаться выбранной тактики и демонстративно посмотрел на часы.

– Извините, но через пятнадцать минут у меня встреча с клиентом.

– Понимаю. Чтобы изложить мою просьбу, мне хватит и пяти минут.

«Значит, он все-таки пришел по делу?», – мысленно усмехнулся Мономах и в упор посмотрел на Боброва.

– Я вас внимательно слушаю.

– Наверное, вы знаете, что совсем недавно я сделал публичное заявление о своем решении баллотироваться на пост президента? Так вот, мне нужны единомышленники, хорошая команда, которая помогла бы мне победить на выборах. Поэтому я здесь.

С трудом скрывая удивление, Толоконников уточнил:

– Вы хотите, чтобы я принял участие в вашей предвыборной кампании?

– Да.

– Чем я заслужил такую честь?

Не заметив в вопросе Мономаха подвоха, Бобров с энтузиазмом продолжил:

– Потому что вы – именно тот человек, который мне нужен. Я перебрал массу вариантов, прежде чем остановился на вас. Вы молоды, умны, предприимчивы, жизнестойки. Ко всему прочему, вы – настоящий герой нашего времени. Бывший офицер-спецназовец, ставший инвалидом во время Чеченской войны! Другой бы на вашем месте давно опустил руки, а вы продолжаете бороться с жизненными трудностями и с честью преодолеваете их. Между прочим, я беседовал со многими светилами медицины, и все они в один голос удивляются вашему феномену. Некоторые из них почти уверены в том, что с вашей энергией, вашей верой в собственные силы вам удастся победить свою болезнь.

– Я не настроен обсуждать с вами свои проблемы, – сухо отрезал Мономах. – Это касается только меня и никого другого.

– Извините, если я вас чем-то обидел, – на удивление быстро среагировал Бобров. – Но я пришел к вам с самыми искренними намерениями. Если вы поможете мне выиграть президентские выборы, я в долгу не останусь.

Напористость генерала и уверенность в том, что ему не посмеют отказать, раздражала. Мономах, с трудом сдерживаясь, чтобы не выставить именитого гостя за дверь, процедил сквозь зубы:

– Я не совсем понимаю, чего вы от меня хотите?.. И какого рода помощь вам требуется?

– Для того чтобы склонить на мою сторону миллионы избирателей, вы должны вступить в нашу партию и обнародовать это решение. Раскруткой вашей биографии займутся мои люди.

– Ну уж нет, – наотрез отказался Толоконников, возмущенный до глубины души. – В эти игры я не играю!..

– Какие игры? – В голосе Боброва послышалось изумление. – Неужели вы считаете меня несерьезным политиком?

«Сказать ему все, что я о нем думаю?.. – принялся размышлять Мономах. – Нет, пожалуй, не стоит – обидится. Все-таки он – мой гость и пришел сюда с самыми искренними намерениями. Его дело предложить, мое – отказаться. И сделать это необходимо как можно тактичнее».

– Честно говоря, я предпочитаю оставаться независимым, – негромко начал он. – Спасибо, конечно, за доверие, но я не могу принять ваше предложение о сотрудничестве. Мне нравится работать только на самого себя, это во-первых. А во-вторых, даже если бы я согласился участвовать в вашей предвыборной кампании, у меня просто-напросто не хватило бы должного опыта. Боюсь, что я могу завалить вам все дело.

– Но не будете же вы всю жизнь сидеть в этом кабинете и тратить свой ум, свою энергию на то, чтобы «новые русские» чувствовали себя в полной безопасности? Сегодня ваша фирма известна всей Москве, у вас нет отбоя от клиентов, но никто не знает, что может произойти завтра...

– И что может произойти завтра?

– Поверьте, со мной лучше дружить. Я расправляюсь со своими врагами беспощадно. А вы ведь не хотите попасть в число моих недругов?

– Не хочу. Но и в друзья не набиваюсь.

– Я и не собираюсь предлагать вам свою дружбу. Деловое сотрудничество, не более.

Воистину у генерала Боброва было ангельское терпение. Ведь только что ему отказали открытым текстом, однако он продолжал настаивать на своем, уверенный, что рано или поздно сумеет переубедить собеседника.

«Деловое сотрудничество, черт бы его побрал! – в сердцах выругался Мономах. – Если он так упрямо идет к своей цели, значит, я ему позарез нужен. Но что он может предложить мне взамен? Неужели генерал думает, что я из той породы людей, которых можно легко купить?»

– Сто тысяч долларов вас устроит? – вдруг спросил Бобров. – Сто тысяч долларов на счет в зарубежном банке плюс оплата вашего лечения в Швейцарии.

«Откуда у него такие деньги?» – растерялся Мономах, но постарался ничем не выдать своего удивления.

– Если я не ошибаюсь, отечественные медики не дают никакой гарантии, что вы когда-нибудь станете на ноги? – прищурившись, уточнил Бобров. – Даже после сложнейшей операции позвоночника ваши шансы неутешительны – в лучшем случае, пятьдесят на пятьдесят. Но я консультировался с зарубежными специалистами, и они твердо заверили меня, что в одной из клиник Дюссельдорфа давно научились управляться с подобными пациентами. Сами понимаете, это стоит немалых денег – профессор Гюнтер, хирург с мировым именем, работает только за очень большие гонорары. Тем не менее попасть к нему чрезвычайно трудно. Но если вы согласитесь играть на моей стороне, я почти уверен – рано или поздно вы сможете ходить.

Разве не об этом вы мечтаете вот уже почти год, с тех самых пор, когда осколок разорвавшегося снаряда застрял в вашем позвоночнике?

Аргументы генерала звучали вполне убедительно, и Мономах вдруг так сильно разволновался, что ощутил удары собственного сердца. Соблазн принять предложение Боброва был велик, но все же Толоконников решил повременить с окончательным ответом. Неожиданно ему показалось, что в этой шахматной партии он, хотя и играет белыми, все равно рано или поздно получит свой шах, а затем и мат. И результат игры ни в коей мере не зависит от того, согласится он работать с Бобровым или пошлет генерала подальше.

Бобров, словно почувствовав сомнения собеседника, насмешливо улыбнулся.

– Ну так как, герой? – спросил он. – Решил?

– А можно мне немного подумать? – То, что генерал перешел на «ты», не понравилось Мономаху.

– Нет, думать нет времени. Говори сейчас «да» или «нет».

– Ладно, я согласен. Я буду помогать вам, но с одним условием.

– Интересно, с каким?

– Я не стану вступать в вашу партию.

– Это непринципиально, – удивительно легко согласился Бобров. – Главное, чтобы вы работали в моей команде с полной отдачей.

– За такие деньги я и мои люди будут работать на совесть. Но если ваши приказы будут противоречить общепринятым законам, я немедленно выхожу из игры. И никакого криминала. Это мой принцип.

Подумав, Бобров кивнул.

– Хорошо, меня вполне устраивает такой поворот событий, – он протянул руку и улыбнулся. – Я знал, что рано или поздно мы договоримся... Значит, так. Перейдем к делу. Вы должны послать своих парней охранять один весьма важный объект. И чем быстрее, тем лучше.

– Но десять минут назад вы заявили, что вам не нужны охранники.

– Разве? – удивился Бобров.

– Да. Цитирую: «у меня своих телохранителей хоть пруд пруди».

– Мне не нужны личные телохранители. Мне нужны профессиональные охранники для того, чтобы обеспечить безопасность важного объекта. Ваши ребята мне вполне подойдут.

– Вы как-то слишком мудро выражаетесь... Давайте перейдем к конкретным предложениям. И какой же важный объект нужно охранять?

– Мою дачу.

– Вы там живете? – удивился Мономах.

– Нет. Иногда провожу выходные. Но не регулярно. Моя семья на даче вообще не бывает. Ни жена, ни дети. Им там не очень нравится. Впрочем, их можно понять – дом стоит в лесу, а вокруг никакого забора. И телефона нет. В случае непредвиденных обстоятельств приходится бегать к ближайшим соседям. А они живут километрах в семи... К тому же у нас есть комфортабельный коттедж в Рублево. Вот там моя семья бывает с удовольствием.

Это было даже не смешно, а грустно и обидно до слез – в агентство Мономаха обращались самые разные клиенты, но никто не ставил его ребят в такое унижительное положение. Они, профессионалы, должны будут охранять пустой дом!

– Вы вообще-то отдаете себе отчет, что вы мне предлагаете?! – В голосе Мономаха прозвучали металлические нотки. – Вы говорите о деловом сотрудничестве, почти партнерстве, и тут же посылаете моих людей выполнять бессмысленное задание. Или вы что-то от меня скрываете?

– Во-первых, вы зря развели такую панику. Да будет вам известно, что это задание кажется бессмысленным только на первый взгляд. В прошлые выходные, когда я ехал в Выковку, в меня стреляли. Информация не прошла по сводкам, потому что я не обращался в

милицию. Нет смысла раздувать шумиху вокруг этого покушения. – Генерал Бобров подался вперед и испытующе посмотрел на Мономаха. – Нет никакой гарантии, что это не повторится в ближайшее время. Моя дача совершенно не защищена. Ставить сигнализацию – поздно, проводить телефон – проблематично...

– Тогда не ездите туда.

– Вы хотите, чтобы мои противники решили, будто я струсил?.. Нет, дорогой мой, так не получится. Пока я жив, я буду ездить куда захочу. И на дачу, в том числе... – неожиданно генерал Бобров рассмеялся. – Вы, наверное, думаете, что я – самодур? На самом деле моя дача – это единственное место, где я могу отдохнуть от семьи и от политики. Расслабиться, походить по лесу. И никакая сволочь не может помешать мне!

– Хорошо. Считайте, что вы меня убедили. И как скоро вам нужна охрана?

– Желательно с завтрашнего дня.

– Нет, – твердо заявил Мономах. – Так скоро не получится. У меня нет свободных людей. Только через десять дней.

– Через неделю.

Сергей недовольно поморщился.

– Генерал, вы не на базаре. Не стоит торговаться, а то я могу передумать.

– Ладно, – уступил Бобров. – Через десять дней так через десять дней. Лучше поздно, чем никогда.

Глава 3

Опасения майора Балахова не были напрасными – преступники и на этот раз действовали очень аккуратно и не оставили после себя никаких важных улик. Даже на веревке, на которой был подвешен академик, не оказалось отпечатков пальцев. Создавалось впечатление, что, перед тем как покинуть квартиру, убийцы сделали генеральную уборку – тщательно протерли все предметы, до которых дотрагивались, и даже вымыли пол, дабы уничтожить следы своего пребывания.

Тщательный обыск так же не дал никаких результатов: все деньги и научные разработки Савельева, разложенные по папкам, лежали на том самом месте, куда их положил сам хозяин. Экспертиза показала, что никто посторонний не пытался взломать коды на компьютерных файлах, да и последняя запись производилась за день до смерти академика. На дверном замке не было видно следов взлома, а это могло означать только одно – Савельев лично впустил убийц в квартиру. Вывод напрашивался сам собой – покойный академик был знаком с кем-то из своих гостей, поэтому не почувствовал опасности. Все соседи и бывшие коллеги в один голос утверждали, что Савельев никогда не открывал дверь, предварительно не посмотрев в глазок. В этом плане он был очень осторожным.

«Значит, – подумал майор Валахов, – сообщников убийц следует искать среди приятелей Савельева... А это означает, что в этом чертовом Новосибирске мне придется проторчать не одну неделю».

Местное отделение ФСБ выделило ему в помощь своих лучших сотрудников – старшего лейтенанта Петра Ясинцева и капитана Андрея Мельникова. Несмотря на то, что с первого взгляда парни произвели на майора благоприятное впечатление, Валахов предпочел бы работать с ребятами из своей группы.

Петр Ясинцев, высокий, франтоватый блондин лет двадцати пяти, был знаменит тем, что год назад успешно внедрился в одну из бандитских группировок, занимающуюся торговлей наркотиками, и даже втерся в доверие к главарю. Не без помощи Ясинцева банду удалось ликвидировать, а главаря взять с поличным. Неизвестно откуда произошла утечка информации, но оставшиеся на свободе преступники узнали, кто сексот, и на общем собрании вынесли Петру смертный приговор. Выражаясь популярным языком, «заказали». Однако Петр Ясинцев не терял оптимизма, так как отменно владел всеми видами борьбы, умел прекрасно стрелять и пребывал в полной уверенности, что застать его врасплох просто невозможно.

Второй подчиненный Балахова, Андрей Мельников, оказался полной противоположностью Ясинцева, как внешне, так и внутренне. Невысокого роста, крепкий, черноволосый, несколько флегматичный, он чем-то напоминал популярного певца Валерия Меладзе, только не был столь энергичным и обаятельным. В местном отделении ФСБ за ним прочно закрепилась репутация специалиста по раскрытию всевозможных экономических афер, благо в экономике Мельников здорово разбирался. За годы своей службы он предотвратил множество финансовых преступлений, но не особенно любил выезжать на задержание.

Именно Андрею Мельникову майор Валахов и поручил собрать список знакомых академика Савельева. Не прошло и часа, как на столе у майора появился листок с фамилиями людей, имеющих отношение к покойному академику в той или иной степени. Внимательно просмотрев список фамилий, Валахов отметил про себя, что Ксения Петровна Завгородняя среди знакомых Савельева не значилась.

- Послушай, Андрей, – обратился он к Мельникову, – ты давно здесь живешь?
- Я тут родился.

– Прекрасно, – улыбнулся Валахов, – значит, ты коренной новосибирчанин... Я понимаю, что Новосибирск – большой город, но может быть, совершенно случайно, ты знаком с некой Ксенией Петровной Завгородней? В данное время ей должно быть около шестидесяти...

Чуть поразмыслив, Андрей отрицательно покачал головой.

– Нет, но я могу навести справки об этой женщине. Фамилия необычная для наших краев, так что проблем не будет – найдем именно ту, которая вам нужна.

Балахову понравилось, что подчиненный не задавал ему никаких лишних вопросов, зачем, да почему столичный майор так интересуется этой женщиной. Мельников молча вышел из кабинета, а Валахов вновь принялся изучать список знакомых Савельева. Через пятнадцать минут Андрей вновь появился на пороге и, судя по просветлевшему лицу, Ксению Петровну ему удалось отыскать.

– В Новосибирске проживает только одна Завгородняя, – негромко начал Мельников, исподлобья поглядывая на сидевшего за столом майора. – Ей шестьдесят два года, проживает по адресу: улица Звездная, дом восемь, квартира пятнадцать. Много лет проработала в школе, преподавала химию, пять лет назад ушла на пенсию. Живет одна в трехкомнатной квартире, имеет сына и дочь, которые в данное время проживают в Москве. Муж, профессор Лапичев, погиб в шестидесятых годах во время опыта. Мой отец рассказывал, что эта смерть наделала немало шуму.

Валахов посмотрел на Мельникова с нескрываемым интересом.

– Ну-ка, ну-ка, поподробнее об этом происшествии.

– Можно я присяду? – вежливо попросил Мельников и, опустившись на стул, продолжил: – В тысяча девятьсот шестьдесят пятом году в новосибирском НИИ проводили испытания какого-то сверхмощного химического оружия. Руководил этим проектом покойный Лапичев. Перед самым пуском установки в оборудовании были замечены сбои. Профессора, естественно, поставили в известность. Однако он был настолько уверен в положительном результате испытаний, что молча взял свой стул и переместился поближе к установке. Когда установку перевели в стартовый режим, произошел сбой, о котором техники предупреждали. Гроыхнул взрыв огромной силы и все, кто находился в этот момент в лаборатории, погибли.

Профессор Лапичев в том числе. Его даже хоронили в закрытом гробу...

– Все это – голые факты. Такие истории, к сожалению, не редкость, – устало прервал Валахов. – Ты мне лучше скажи, что сам-то думаешь по этому поводу.

– Лично я ничего не думаю, так как в шестьдесят пятом меня еще даже в проекте не было, – улыбнулся Мельников. – Но отец мне говорил, что после этого страшного взрыва по Новосибирску поползли слухи, будто профессор Лапичев был категорически против испытаний придуманного им самим оружия. И в лаборатории произошел не несчастный случай, а самоубийство. Лапичев принес себя в жертву ради спасения жизней миллионов людей...

– Все это звучит глупо и неправдоподобно, – подвел итог Валахов. – Но с Ксенией Петровной Завгородней мне все-таки придется встретиться.

В глазах Мельникова промелькнул скрытый интерес, однако он тактично промолчал. Молча встал и положил на стол листок с адресом вдовы профессора Лапичева.

– Я поручаю тебе произвести опрос соседей и людей, знавших академика Савельева, – официальным тоном проговорил Валахов. – Попробуй отыскать свидетелей, которые видели, как в квартиру Савельева входили гости. Ведь они наверняка попали туда через дверь, а не по воздуху. И находились в квартире как минимум час. Если верить заключениям экспертов, Савельева убили где-то между двумя часами дня и шестью вечера. В это время обычно все на работе, но вдруг тебе повезет.

– Я все понял, – кивнул Мельников. – Разрешите приступать к опросу свидетелей?

– Приступай.

Когда за подчиненным закрылась дверь, Валахов подошел к окну, отдернул шторы и принялся внимательно рассматривать маленький, грязный дворик. Как ни странно, но созерцание самых обычных картин провинциальной жизни помогало сосредоточиться, направить мысли в нужное русло.

«Эта история тридцатилетней давности меня мало интересует. Хотя бы потому, что она не имеет никакого отношения к моему нынешнему расследованию... И все-таки как ни крути вдова Лапичева была близкой подругой Березовой. А Березова долгие годы трудилась бок о бок с академиком Савельевым. А вдруг эта Завгородняя расскажет мне что-нибудь важное? Чем черт не шутит? Значит, надо немедленно отыскать ее и поговорить».

Придя к такому выводу, Валахов, на ходу одеваясь, решительно направился к двери. Местное отделение ФСБ умело оказывать радушный прием столичным командированным: прибыв в Новосибирск, Валахов получил служебную машину, маленький темно-синий «фольксваген». На нем майор и решил отправиться на улицу с романтическим названием Звездная.

Расспросив праздного шатающегося дежурного, как лучше всего проехать в нужный квартал, Валахов сел за руль, повернул ключ зажигания и нажал на педаль газа. Улица Звездная находилась неподалеку от Оперного театра.

«Новосибирск – странный город, – подумал Валахов, проезжая по ярко освещенному центру. – Когда-то давно, в семидесятых, здесь был голод и холод. На прилавках магазинов пусто, мяса и масла местные жители практически не видели. Особенно тяжело жилось деревенским. Люди пытались отсюда выбраться всеми правдами и неправдами. Интересно, а как здесь теперь? Неужели так же, как и прежде, за молоком выстраиваются километровые очереди?»

Ксения Петровна Завгородняя жила в пятиэтажном доме, построенном сразу после войны. Дом был добротный, кирпичный, с высокими потолками и просторным подъездом. К сожалению, лифт не работал, и майору пришлось подниматься на третий этаж пешком. Он даже немного запыхался, преодолевая крутые лестничные пролеты. Представив себе, что шестидесятилетняя женщина каждый день проделывает этот путь, искренне ей посочувствовал.

Квартиру Ксении Петровны Валахов отыскал без труда. На двери висела металлическая табличка с надписью: «Профессор Лапичев». Нажав кнопку звонка, майор отошел на шаг назад и достал свое служебное удостоверение. По своему опыту он знал, что пожилые люди весьма недоверчиво относятся к незнакомым гостям.

Как ни странно, но традиционное «кто там?» не прозвучало – дверь распахнулась сразу, словно по мановению волшебной палочки, и на пороге возникла самая настоящая фея из сказки. Женщине, появившейся в дверном проеме, было не больше пятидесяти. А при менее ярком освещении она вообще тянула на сороковник. Густые волосы, уложенные в затейливую прическу, накрашенные губы, весьма элегантный костюм – все свидетельствовало о том, что хозяйка кого-то ждала.

– Ксения Петровна Завгородняя? – на всякий случай уточнил майор – эта светская мадам совсем не походила на убитую горем шестидесятилетнюю вдову, а уж тем более, на бывшую учительницу химии. Впрочем, со дня смерти ее мужа прошло немало лет, да и в школе она уже давно не работала.

– Да, я Ксения Петровна. – Женщина склонила голову набок и прищурилась. – С кем имею честь разговаривать?

– Майор ФСБ Валахов.

– Ого! – На лице Ксении Петровны появилось изумление. Похоже, она удивилась не меньше Балахова. – Ну и с чем вы ко мне пожаловали?

– Я хочу поговорить о вашей подруге Вере Михайловне Березовой.

Балахову на миг показалось, что на лице Ксении Петровны появилось недовольство, но тут же исчезло, так что майор не мог с полной уверенностью заявить, было ли это недовольство вообще.

– Но не будем же мы разговаривать на пороге, – вдруг сказала Завгородняя и шагнула в прихожую. – Проходите...

– Вы не боитесь пускать к себе в квартиру незнакомого человека?

– Но вы же представились!

– Мало ли кто как может представится, – заметил Валахов, переступая порог. – Вы даже удостоверение мое не посмотрели!

– А что толку смотреть? – улыбнулась Ксения Петровна. – Я все равно ничего в этом не понимаю.

– А вдруг я – преступник? И пришел к вам, чтобы вас ограбить?

– Ой, не смешите! Преступники знают, к кому ходить. А что с меня взять? Я уже в том возрасте, когда можно ничего не бояться... К тому же чему быть, того не миновать.

Ксения Петровна увлекла гостя в гостиную, искренне возмущившись, когда Валахов принялся снимать обувь.

– Ну что вы, право, как мальчик. В порядочных домах не принято разуваться. Неужели вы думаете, что я настолько стара, что не в состоянии убрать за вами?

– Напротив, вы очень неплохо выглядите... Для своего возраста, – смутился майор.

Ксения Петровна громко расхохоталась и царственным жестом указала на широкий диван, стоящий в глубине комнаты.

– Располагайтесь, а я пока сварю кофе. Или вы предпочитаете чай?

– Мне все равно.

– Извините, но как вас зовут? Не могу же я обращаться к вам «товарищ майор».

– Константин Валерьевич. Можно Костя.

– Костя, если хотите, включите телевизор... А я убегаю... на кухню... – грациозной походкой Ксения Петровна вышла из комнаты.

Воспользовавшись отсутствием хозяйки, Валахов внимательно осмотрел гостиную и пришел к выводу, что ремонт в этом доме последний раз делали лет тридцать назад. Старые, потухлые обои в некоторых местах заметно отставали от стены, на потолке проступали бурые пятна, а дорогой персидский ковер протерся до дыр. К остаткам прежней роскоши можно было отнести шикарную, хрустальную люстру со множеством подвесок. Но и она смотрелась в этой запущенной гостиной несколько странно.

На стене висел портрет хозяйки, написанный маслом. Судя по дате в углу холста, картина была написана лет двадцать назад. Как ни странно, но с того времени Ксения Петровна мало изменилась – только волосы чуть поседели, да в глазах появилось меньше задорного блеска.

– Что, любуетесь? – насмешливый голос хозяйки заставил Балахова вздрогнуть и обернуться.

Перед ним стояла Ксения Петровна с подносом в руках. Майор так и не понял, как ей удалось войти в комнату столь незаметно, да еще в туфлях на высоких каблуках. И в это мгновение Валахов понял, что он с самого начала недооценил эту женщину.

– Этот портрет написал один мой поклонник, – как ни в чем не бывало продолжила Ксения Петровна, присаживаясь на диван. – Весьма талантливый художник... В ту пору он был в меня влюблен, поэтому и портрет получился хорош. Правда, мне кажется, что я не очень похожа на себя... Ну, да бог с ним, с портретом! Вы, кажется, хотели поговорить со мной о вере? Как она поживает?

– Вера Михайловна умерла, – без всякой подготовки брякнул Валахов.

– Как умерла?! – растерялась Ксения Петровна. – Когда?

– Месяц назад. Ее нашли мертвой во дворе частного дома. Смерть наступила от удара тяжелым предметом по затылку, но перед тем, как прикончить старую женщину, ее долго пытали.

Лицо Ксении Петровны Завгородней окаменело. Щеки покрылись нездоровым румянцем, а в глазах заблестели слезы.

– Я не понимаю, почему Снежана мне не позвонила? – дрожащими губами прошептала она. – Почему?! Я бы приехала на похороны...

– Ксения Петровна, успокойтесь. – Валахов на мгновение пожалел, что рассказал Завгородней столь ужасающие подробности. Но только на одно мгновение, так как спустя минуту Ксении Петровне удалось справиться с нарастающим волнением.

Она достала из кармашка тонкий, батистовый платочек и насухо вытерла слезы. Попыталась улыбнуться, но улыбка вышла какой-то измученной и неискренней.

– Простите, ради бога, старую, сентиментальную дуру, – с грустью проговорила хозяйка. – Я просто очень расстроилась.

– Вам не стоит извиняться. Это вполне нормальная реакция на такое печальное известие... Но давайте вернемся к вашей покойной подруге. Скажите, у нее были враги?

– Послушайте, молодой человек, а почему именно КГБ занимается расследованием убийства Веры? Если я правильно поняла, вы служите в органах?

– Да. Только КГБ давно уже нет. Теперь наше управление называется несколько иначе – ФСБ. Но на ваш вопрос, почему именно мы занимаемся этим делом, я отвечу. Вы наверняка в курсе, что вчера в своей квартире был обнаружен труп академика Савельева. Его, так же как и Веру Михайловну Березову, убили. Преступники попытались симитировать самоубийство – академика нашли в ванной с петлей на шее.

На этот раз Ксения Петровна побледнела. Да так сильно, что Валахов испугался. Однако женщина, заметив его волнение, жестом показала, что с ней все в порядке.

– Продолжайте, молодой человек, мне просто стало нехорошо... Когда один за другим погибают твои хорошие знакомые, нелегко держать себя в руках.

– Вы хорошо знали Савельева? – удивился Валахов.

– Лучше некуда. Но, признаюсь честно, я его никогда не любила, а присутствие этого прохвоста в своем доме терпела только ради Верочки. – В глазах Ксении Петровны вдруг промелькнуло что-то похожее на озарение. Несколько мгновений она молчала, а затем с решительной прямоотой спросила: – Значит, убийства Веры и Савельева как-то связаны между собой? И поэтому вы здесь?

– Да. Я хочу, чтобы вы рассказали мне о Березовой и Савельеве. Все, что вы о них знаете. Может быть, ваши сведения помогут нам найти преступников?

– Хорошо. Думаю, вы уже выяснили, что у Верочки с академиком Савельевым был продолжительный роман. Он начался так давно, что вас, молодой человек, наверное, еще на свете не было. Верочка тогда только начала работать в институте, Валентин Иосифович был младшим научным сотрудником. Они понравились друг другу с первой встречи, как только Верочка переступила порог лаборатории. К сожалению, на тот момент Верочка уже была замужем, мужа своего хоть и не любила, но уважала, и на развод не соглашалась ни в какую. Первые несколько лет их любовь была заметна всем окружающим, но только не им самим. Они упорно делали вид, что не интересуются друг другом. Но однажды Валентин Иосифович все же решился признаться Верочке в своем чувстве. С тех пор их отношения перешли в разряд платонических... Хочу особо отметить, что Березову нельзя было ни в чем упрекнуть свою жену – Валентин Иосифович и Верочка встречались только на работе. Возможно, все в конце концов и окончилось бы свадьбой, если бы не Валентин. Это он уговорил Верочку не спешить. Дескать, вот напишет он диссертацию, станет на ноги, получит свое жилье. Ведь в те годы он жил в общежитии. И Верочка, привыкшая во всем ему подчиняться, не спешила. Именно поэтому у них с

Николаем так и не было детей. Верочка, в силу каких-то своих принципов, считала, что рожать от нелюбимого человека – это преступление. Шли годы, все оставалось по-прежнему, Савельев защитился, получил свою квартиру и работал над новым научным проектом. Хотя я никогда не относилась к Валентину с симпатией, хочу признать, что ученый он был отменный. Благодаря его разработкам отечественная ядерная физика сделала огромный скачок вперед. Валентин был прекрасным ученым, но человеком, простите за выражение, дерьмовым. До самого последнего времени он не переставал водить Верочку за нос, уверяя, что любит только ее. Правда, это ничуть не помешало Валентину дважды жениться... Я много раз говорила Вере: «Дорогая, он трус и лжец. Сделай над собой усилие, забудь его раз и навсегда». Однако она меня не слушалась и всегда находила оправдание его нехорошим поступкам. К слову сказать, все браки Савельева оказывались неудачными и длились максимум по два года. Видно, не каждая женщина могла вынести каждодневное отсутствие своего мужа. Ведь Савельев дневал и ночевал в институте. Иногда не появлялся дома по трое суток... Когда Вера уехала из Новосибирска, он был в трансе...

– Простите, что я перебиваю вас, – вмешался в монолог Валахов, – но почему Вера переехала в Воскресенск?

– О, это вообще странная и непонятная история, – задумчиво протянула Ксения Петровна. – Многие были поражены, когда заведующая лабораторией Березова написала заявление об увольнении. В это время академик Савельев как раз закончил работу над очередным, очень важным проектом. Верочка, как всегда, помогала ему производить испытания. Как сейчас помню, в тот день, когда они сдавали результаты этого проекта комиссии, приехавшей из Москвы, Верочка ходила грустная и какая-то потерянная. Я долго пыталась узнать у нее, что произошло. Вера коротко ответила, что, дескать, все в порядке, проект принят, Валентин Иосифович в восторге. Но через неделю она уехала в Воскресенск.

– Это произошло десять лет назад?

– Да, в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году.

– И даже лучшей подруге она не объяснила причину этого внезапного отъезда?

– Нет. Конечно, она придумала какой-то неубедительный предлог типа, что ее давно тянуло на родину и все такое прочее. Но согласитесь, в пятьдесят лет сложно все начинать на новом месте.

– Неужели руководство института даже не попыталось уговорить Березову остаться?

– Конечно, попытались. Не такие уж они свиньи! Но Верочка, когда хотела, могла быть очень настойчивой. Она отыскала какого-то знакомого в министерстве, и тот помог ей уладить все формальности.

– Насколько мне известно, с тех пор Вера Михайловна не раз приезжала в Новосибирск?

– Это вам Снежана сказала?

– Да.

– Она приезжала сюда три раза. Первый – после того, как умер ее муж. Второй – в прошлом году. А третий раз, совсем недавно, в середине июля, – Ксения Петровна горько усмехнулась. – К сожалению, я ее почти не видела. Вера останавливалась у меня, но практически целыми днями торчала у Савельева.

– Неужели они все еще поддерживали дружеские отношения? – искренне изумился Валахов. – Я имею в виду после всего того, что между ними произошло?

– Может быть, вам это покажется парадоксальным, но в нашем возрасте заводить новых друзей поздно. Верочку и Валентина связывало не только то, что на протяжении многих лет они любили друг друга. Они вместе работали, у них было общее дело, общие планы, устремления. Знаете, Верочка была настоящим ангелом. Она умела прощать других, хотя весьма категорично относилась к собственным промахам и ошибкам.

– А разве не ошибка столько лет быть преданной человеку, который долгое время использовал тебя в своих корыстных интересах?

На губах Ксении Петровны заиграла легкая улыбка.

– Вы еще так молоды и категоричны... – вздохнула женщина. – Верочка прекрасно осознавала, что долгие годы она руководствовалась чувствами, но ничуть не жалела об этом. Правда, в последний свой приезд она обронила одну интересную фразу. Вернувшись от Савельева, Верочка, не зажигая света, долго сидела на кухне и смотрела в окно. Заметив меня, совершенно неожиданно сказала: «Я верила и надеялась, что это – досадная ошибка. Бог мой, как я была не права! Но теперь я этого так не оставлю. Пришло время собирать камни, и каждый получит то, что заслужил».

– Интересно, что она имела в виду?

– Не знаю, – пожала плечами Ксения Петровна. – В тот момент я решила, что это касается Валентина, их отношений с Верочкой. Все-таки он столько времени водил ее за нос. Не сочтите меня за нахалку, но я спросила Веру об этом. Она горько усмехнулась и покачала головой. И вдруг я подумала, что это касается Снежаны, ее племянницы...

– Снежаны? А при чем здесь она?

– Ну, – немного смутилась Ксения Петровна, – Вера часто жаловалась на свою племянницу. Ей не нравился образ жизни Снежаны, не нравились ее знакомые, не нравилась работа, которой Снежана занималась. Ведь кроме племянницы у Веры никого не было, и вполне естественно, что она принимала близко к сердцу все проблемы этой юной особы. Так вот, когда Вера сидела у меня такая расстроенная и потухшая и упорно не желала говорить о своих проблемах, я решила оставить ее в покое. Однако перед самым своим отъездом она вдруг сказала мне: «Ксения, если со мной что-нибудь случится, присмотри за Снежаной... Она, конечно, не подарок. Она слишком любит деньги, но она – моя племянница».

– Вы хотите сказать, что Вера Михайловна предчувствовала свою страшную смерть?

– Нет-нет, что вы! Понимаете, в нашем возрасте все может случиться – сердечный приступ, например. Скорее всего, именно это она и имела в виду.

– И это все? – уточнил Валахов.

– Да.

«Я возлагал на этот визит такие большие надежды, а в результате выяснил только одно – Снежана Березова очень любит деньги... – с разочарованием подумал майор. – А кто их не любит, спрашивается? Стремление жить красиво любой ценой – не самый главный человеческий недостаток... Миллионы людей желают купаться в роскоши, но ведь это не преступление».

Глава 4

Они встречались часто – Леха Дардыкин, лучший охранник «Олимпа», и Зоя Метелкина, самая скандальная журналистка Москвы, работавшая в «Совершенно секретно». Они встречались часто, однако старались не афишировать свои отношения. Во-первых, Леха Дардыкин все еще был женат. Он мог, конечно, давно развестись, но что-то упорно удерживало его от этого решительного шага. Наверное, нежелание Зои впустить его, Леху Дардыкина, в свою жизнь. Порой это доходило до абсурда. Каждый раз, когда Дардыкин предлагал пригласить ее друзей на чашечку кофе, Зоя мгновенно переводила разговор на другое. А если он продолжал настаивать, то девушка захлопывалась в своей раковине, словно устрица, и делала вид, что не слышит. Естественно, что Леха обижался, в то же время прекрасно понимая, что в глазах Зои он еще не дорос до того уровня, когда его без всякого стеснения можно смело показывать своим именитым коллегам. Ну кто он, собственно, такой? Обыкновенный парень, выросший в рабочем квартале и не закончивший никаких университетов. Ну что из того, что он умеет здорово драться и когда-то даже занял первое место в городских соревнованиях по самбо? Ну разве этим сейчас кого-нибудь удивишь?

В компании интеллигентных хлюпиков, которые только и могут, что чесать языками, это не являлось аргументом в Лехину пользу. Скорее, наоборот. Раз ты умеешь драться и держать в руках оружие, тогда почему ты так плохо живешь? Почему у тебя нет шестисотого «мерседеса» и дачи в Рублево? Почему в охранном агентстве, где ты работаешь с утра до ночи, зарплата гораздо ниже, чем у банковского работника? Почему, если ты умеешь стрелять, о тебе не говорят в криминальных новостях? Сейчас ведь люди с такими талантами на вес золота. Вон какими миллионами ворочал Солоник, пока его не прихлопнули. Да сейчас все киллеры имеют столько бабок, что и не снилось! И спрос на специалистов подобного класса повышается с каждым днем.

Именно такие мысли читались на лицах друзей Зои, когда они приходили к ним в гости. Было удивительно, что никто из них так и не высказал эти мысли вслух. Обычно они сидели, пили водку, посматривали на Леху, как на прокаженного, открыто демонстрируя пренебрежение. И никого не интересовало, что Леха Дардыкин думает по этому поводу. А ведь он ненавидел зарабатывать бабки нечестным путем. Раз, правда, попробовал, связался с мафией, так потом едва отмылся.

Увы, но, как правило, журналистам неинтересно общаться с порядочными людьми. Им подавай сенсацию. Если бы Леха был киллером, вот тогда бы Зоя гордилась им. Привела бы в свою компанию и похвасталась – смотрите, братцы, с кем я трахаюсь. Да, вы не ошиблись, этот тот самый снайпер, который неделю назад пришел банкира Апельсинова. Все думают, что он давно в Штатах, а он тут, у меня под крылышком. И все бы охали и ахали, косились бы на Леху с уважением и с завистью поглядывали бы на Зою.

Но он не киллер, хотя и стреляет получше многих. Да и дерется неплохо. Только кому это надо? Зое и ее коллегам уж точно нет. Все они одним миром мазаны. Считают, раз ты не умеешь использовать свои таланты по назначению, значит ты – дебил.

Зоя не раз тактично намекала Дардыкину, что если уж ты не бандит и не убийца, то неплохо бы повышать свой интеллектуальный уровень. В прессе просматривать не только последние страницы с анекдотами, но иногда почитать Толстого и Достоевского. Леха понимал, что Зоя права, но врожденное чувство гордости мешало ему согласиться с ее доводами. Все свободное время он качал мускулы в спортзале, стрелял в тире, а из художественной литературы признавал только Маринину, Корецкого и Воронина.

Несмотря на все шероховатости в отношениях, их роман длился уже полгода. Они познакомились шесть месяцев назад при весьма странных обстоятельствах и почему-то сразу

решили, что созданы друг для друга. Спустя некоторое время, когда улеглись бурные страсти и жизнь вошла в привычную колею, Леха вдруг понял, что Зоя – совсем не девушка его мечты. Скорее, наоборот. Независимая журналистка привыкла вести весьма свободный образ жизни – приходила когда хотела, а перед сдачей номера могла вообще не явиться ночевать. Вначале Леха страшно ревновал, закатывал скандалы, пытался шантажировать Зою тем, что уйдет от нее. Но девушка пропускала его угрозы мимо ушей, всем своим видом демонстрируя полнейшее равнодушие к тому, в каком ключе будут развиваться их отношения. В конце концов Леха смирился со своим незавидным положением, в глубине души надеясь, что рано или поздно он сможет найти в себе силы порвать с Зоей навсегда.

И вот этот момент наступил. Только все получилось совсем не так, как Дардыкин себе представлял. В ту ночь они опять поссорились из-за пустяка. Именно так считала Зоя, хотя Леха Дардыкин был уверен, что на этот раз повод для скандала весьма и весьма существенный.

Еще неделю назад Леха предупредил Зою, что как раз сегодня, ровно в шесть, они идут на концерт Алены Свиридовой. Но, как оказалось, в шесть часов вечера в редакции сабантуй, чей-то юбилей или свадьба, о чем Зоя с невинной улыбкой сообщила любовнику пять минут назад. И это после того, как он, словно проклятый, три часа подряд доказывал ей свою мужскую состоятельность.

С трудом сдерживаясь, чтобы не взорваться, Дардыкин спросил:

– И ты, конечно же, не можешь отказаться?

Зоя пожалала плечами и сладко зевнула. Она была чертовски соблазнительна в этом черном, прозрачном пеньюаре и чем-то напоминала героиню Мопассана. В любое другое время Леха обязательно сказал бы ей об этом, но сейчас он был страшно зол.

– Ну, не дуйся, любимый, – ласково проворковала Зоя, – я совсем забыла об этом концерте и уже внесла свою долю.

– Долю чего?

– Ну, мы собирали на подарок в складчину. С каждого в редакции по пять долларов. Так что, хочу я того или не хочу, а на пять долларов мне придется напиться.

– Только не надо петь, что ты забыла! Вчера я тебе показывал билеты.

– Да-да, что-то припоминаю, – согласилась Зоя. – Но, повторяю, я уже сдала деньги на подарок. Так что не пойди будет глупо.

– Да черт с ними, с этими бабками. Неужели ты не хочешь провести со мной этот вечер? Или тебе еще не надоели эти рожи? Ведь ты каждый день их видишь.

Зоя весело расхохоталась.

– Господи, Дардыкин! В тебе нет ни капли такта... Да-да, ты неотесанный, как сибирский валенок.

– Не заговаривай мне зубы, – разозлился Леха. – Скажи прямо: пошел бы ты, Дардыкин, со своей Свиридовой куда подальше.

– Ты слишком плохого мнения о моем воспитании. Да, мне не очень нравится эта певица, но не в этом дело.

– А в чем?

– В том, что я и вправду не могу.

Дардыкин с трудом удержался, чтобы не выругаться вслух. Сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

– Скажи прямо: тебе стыдно со мной появляться на людях, и не вешай мне лапшу на уши. Я этого не люблю.

– Хватит меня оскорблять! – возмущенно воскликнула девушка. – Если тебя не устраивают наши отношения, можешь отправляться на все четыре стороны.

Она зарылась головой в подушку и сделала вид, что продолжает спать.

«Рано или поздно это должно было случиться», – с грустью подумал Дардыкин и отправился собирать свои вещи.

Как ни странно, но он даже почувствовал некоторое облегчение. Теперь он был свободен. Но в следующее мгновение появился непонятный страх – как жить дальше? Все-таки за эти полгода он порядком привязался к Зое. Ему нравилось заниматься с ней любовью, нравилось целовать ее рыжие волосы, нравилось слушать ее негромкий хрипловатый голос.

«Хватит ныть, – мысленно приказал себе Дардыкин. – Она тебя послала. Вышвырнула вон. Неужели ты докатился до того, что будешь перед ней стелиться? Ради чего? Какого хрена мне все это надо?»

Вся Лехина одежда уместилась в одну-единственную сумку. Но не только этот факт окончательно испортил ему настроение. Направляясь к двери, Дардыкин с грустью подумал, что ему совершенно некуда идти. Мать, живущая в Сокольниках, никогда не одобряла его отношений с Зоей. Она называла девушку не иначе, как «проститутка» или «шалава», и если бы Леха сейчас поехал к ней, то ему пришлось бы выслушивать целую лекцию о материнской интуиции и тупости великовозрастных сыновей.

Конечно, можно было плюнуть на все и отправиться к бывшей жене. Дардыкин был уверен на все сто, что Наталья примет его даже в такую рань. Но бывшая жена жила с родителями, а те на дух не переваривали беспутного зятя.

«Ладно, поеду в офис, а там посмотрим», – решил он.

Леха оставил ключи на тумбочке в прихожей и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью. Он был уверен на все сто, что Зоя даже пальцем не пошевелит, чтобы удержать его. Вероятнее всего, даже не заметит, что он смылся. Быстро заменит его на кого-нибудь другого и будет счастлива по уши, что так легко отделалась...

В пять утра на улице было прохладно. Наверняка ночью ударил легкий морозец. Леха плотнее закутался в куртку, перебрал сумку с одного плеча на другое и бодро зашагал в сторону станции метро. Воодушевившись идеей сократить путь, Дардыкин свернул за угол дома. Прошел несколько метров и вдруг резко остановился. Что-то было не так в этом темном, старом дворе. Чем-то неуловимо-тревожным была насыщена вся атмосфера.

Дардыкин внимательно огляделся. Он сотни раз проходил по этому маршруту и никогда не замечал, что дома здесь напоминают заплесневевшие, грубые булыжники. А песочница-грибок, благодаря стараниям хулиганов, похожа на уродливого монстра на тонкой ножке. Давно не стриженные кусты зловеще обступали подъезд со всех сторон, неровный асфальт почему-то был серо-бордовый. Он напоминал рождественский пирог, политый густой глазурью. Глазурью красного цвета.

На всякий случай Леха помотал головой, чтобы отогнать непонятное видение. Но это не помогло. Тогда Дардыкин подошел поближе к подъезду. Нагнулся и принялся рассматривать бурые пятна. Пятна были самые что ни на есть реальные и свежие.

«Черт, это же кровь!» – мелькнула догадка.

Он резко выпрямился и замер. Повел ноздрями, словно встревоженный конь. Машинально сунул правую руку под куртку, но тут же вспомнил, что оставил пистолет в офисе. Мысленно выругался, проклиная свою беспечность, и вновь посмотрел на красные полосы. Проследив взглядом их направление, пришел к выводу, что следы ведут в подъезд.

«Ну и что дальше? – спросил он у самого себя. – Будешь изображать героя или позвонишь в ментовку?»

Ситуация была, лучше некуда – пять утра, пустынный московский дворик и свежие кровавые следы на асфальте.

Дардыкин был не в том настроении, чтобы искать приключений на свою задницу. Ко всему прочему безоружный. Однако любопытство взяло верх над осторожностью, и Леха

быстро зашагал к подъезду. Поднялся по ступенькам, попридержав дверь, на цыпочках вошел в вестибюль. Здесь было сумрачно и прохладно. И пахло порохом.

«Стреляли совсем недавно: пятнадцать, от силы двадцать минут назад, – констатировал он. – Но где же труп?.. И был ли он вообще?»

Но стоило Лехе завернуть направо, к мусоропроводу, как все его сомнения рассеялись. Труп был. Лежал там, где ему и положено лежать – на полу, прямо под бачком с пищевыми отходами. В луже крови, разумеется.

Дардыкин, затаив дыхание, приблизился к телу и принялся осматривать его с ног до головы. Это был мужчина лет тридцати пяти. Довольно высокий, худой и небритый. Одет в дорогое кашемировое пальто темно-зеленого цвета. Брюнет.

Похож на кавказца. О цвете глаз судить было трудновато – пуля снесла убитому половину черепа.

«Скорее всего, его подстрелили у дома. Он попытался уйти, но бедолаге не повезло – киллеры прикончили его в подъезде... Контрольный выстрел в голову, все как полагается. По всем правилам профессионалов».

В этот момент Леха услышал, как хлопнула входная дверь. Он быстро метнулся в темный проем, искренне надеясь, что ранний визитер его не заметит. Цокот каблучков свидетельствовал о том, что в подъезд вошла женщина. Тусклая лампочка скупо освещала вестибюль, но Леха сумел разглядеть обладательницу высоких шпилек. Ею оказалась светловолосая тоненькая девушка в блестящем кожаном плащике. К огромному облегчению Дардыкина, она даже не посмотрела в его сторону. Решительно направилась к лифту и нажала кнопку. И тут Леха услышал тихие, осторожные шаги. Какой-то мужчина спускался со второго этажа. Он шел крадучись, словно вор, и это не могло не насторожить Дардыкина.

Тем временем девушка благополучно села в лифт. Нажала кнопку какого-то этажа, и дверцы со скрипом закрылись. Мужчина, мгновенно сориентировавшись, повернулся на полпути и помчался по ступенькам вверх. Рванул, уже совершенно не таясь.

«Кажется, девушке грозит опасность», – подумал Леха и решил немедленно вмешаться.

Конечно, это было не его дело. В любой другой ситуации он плюнул бы на все и спокойно отправился восвояси. Да, он поступил бы именно так, если бы не труп, лежащий под мусоропроводом. Не было никакой гарантии, что вскоре в подъезде не появится еще один «подарочек».

Обо всем этом размышлял Дардыкин, быстро поднимаясь вверх по лестнице. Он отставал от незнакомца на один пролет, шел почти бесшумно. Слава богу, он умел так ходить. Тихо, незаметно, как кошка. Ступая мягко, с пятки на носок, стараясь дышать неглубоко. Этим премудростям его научили на специальных курсах. Тогда Леха даже не предполагал, что уроки правильного дыхания ему когда-нибудь пригодятся.

Идя по пятам за незнакомцем, Дардыкин прислушивался к шуму лифта, пытаясь угадать, на каком этаже он остановится. А лифт все ехал и ехал, шумно, с натужным скрипом, и казалось этому никогда не будет конца. Внезапно кабина замерла. Дверцы отворились. Незнакомец ускорил шаг. И вдруг он на ходу распахнул куртку, правая рука скользнула к бедру, а левой незнакомец проделал весьма характерный жест, который невозможно было спутать ни с чем... Таким легким, отработанным движением профессионал обычно взводит курок...

Времени на размышления не оставалось. Только считанные секунды на то, чтобы обезвредить киллера. Прямым ударом правой ноги Дардыкин выбил у противника пистолет и, не дав ему опомниться, сделал подсечку. Шума и грохота было много – незнакомец, явно не ожидавший нападения, покатился по ступенькам. Леха помчался вниз, дабы успешно завершить начатое – его фирменный удар в шею вырубил киллера всерьез и надолго. Преступник выразительно хрюкнул и затих. Судя по всему, он не ожидал подобного исхода и, естественно, не был готов к обороне.

Во время этого короткого боя Дардыкин успел заметить, что обладательница яркого плаща преспокойно достала из сумочки ключи и отперла свою квартиру. Воистину у нее были крепкие нервы, если она даже не поинтересовалась, что происходит на лестничной площадке этажом ниже. Впрочем, мало ли пьяниц и бомжей выясняют отношения в столь поздний час? Всю ночь пили, затем решили порезвиться, поразмять кости. И не такое бывает! Вполне достойное времяпровождение для определенной категории населения.

«Ну уж нет, красавица, – мысленно запротестовал Леха. – Тебе не удастся так легко отвертеться. Я тебя что, зря спасал? Придется раскрутиться на чашечку кофе...»

– Эй, мадемуазель! – громко позвал он.

Девушка, уже успевшая переступить порог квартиры, резко обернулась. На ее лице появилось недоумение, смешанное со страхом.

– Не бойтесь, я не кусаюсь, – широко улыбнулся Дардыкин и, перешагнув через неподвижно лежащего киллера, вышел на свет. – Мне нужно поговорить с вами.

– Пошел к черту!

Дверь с треском захлопнулась, послышался скрежет закрываемого замка, и на лестничной площадке вновь воцарилась тишина.

«Ну что, Дардыкин, умыла тебя девица? – грустно усмехнулся Леха. – Так тебе и надо, балбес. Только идиотка в пять часов утра способна вести светские базары с неизвестным мужиком. А эта красавица, судя по всему, таковой не является... Эх, я бы с удовольствием умыл руки, если бы не тот жмурик под мусоркой. И не этот крутой убийца, – Дардыкин с неприязнью покосился на лежащего на ступеньках киллера. – Сдать тебя ментам, что ли? Это, конечно, неплохая идея, но... Нет никакой гарантии, что ты, братец, не отмажешься. И не придешь сюда завтра и не доделаешь свою работу до конца... Да, Леха, ты вляпался. И по самые уши!»

Дардыкин был не из тех людей, которые легко подчиняются обстоятельствам. Скорее, наоборот. Он привык подчинять обстоятельства своим желаниям и стремлениям. Привык действовать и побеждать. Он считал себя бойцом, и если принимал какое-нибудь решение, то упрямо шел до конца. Иногда, если быть искренним, совершенно игнорируя дельные советы окружающих. Но сейчас дельный совет был необходим Дардыкину, как кислород. Как глоток воды в пустыне, как опохмелка алкоголику. Но, как на грех, посоветоваться было не с кем. Мономах, вероятнее всего, спокойно спал в своей квартире. Зоя по собственному желанию отстранилась от его проблем. А больше у Дардыкина никого и не было. Поэтому, наверное впервые в жизни, он пошел на поводу обстоятельств.

В первую очередь Леха поднял оружие, лежащее на полу и внимательно рассмотрел его. Бесшумный малогабаритный специальный пистолет, больше известный под названием «Гроза». Правда, за рубежом его почему-то именуют «пистолетом для убийц». Редкое по нынешним временам оружие. Стреляет бесшумно, бездымно, беспламенно. Любимая пушка спецназовцев в Афганистане. Боевая скорострельность шесть выстрелов в минуту, прицельная дальность до ста пятидесяти метров. Специальный 7,62-мм патрон СП-3.

«Да, игрушка у этого парня высший класс», – не без зависти подумал Дардыкин и, чуть поколебавшись, сунул пистолет за пояс.

Затем тщательно обыскал карманы киллера. И не нашел там ничего важного – ни паспорта, ни какого другого документа, по которому можно было установить личность. Лишь запасные патроны и штурмовой нож «Катран». Так называемый, НВ – нож выживания. Сигареты, неизменный атрибут карманов киллера, тоже отсутствовали. Парень явно усиленно заботился о своем здоровье. Наверное, собирался жить долго.

Штаны киллера держались на узком, кожаном ремне, которому тут же нашлось применение – Леха скрутил этим ремнем руки противника. Пожертвовав собственным шарфиком, особым узлом перевязал ноги. Рот заклеил скотчем, маленький рулон которого всегда носил

в кармане. Когда киллер зашевелился, Леха решил не рисковать и вновь применил свой фирменный прием – неуловимое движение пальцев, и противник оказался в нокауте.

Оставалось только позвонить в милицию и сообщить им о готовящемся преступлении. Но перед этим желательно было поговорить с предполагаемой жертвой. Выяснить что почем и все такое прочее... Конечно, можно было бы опустить этот пункт с повестки программы, но Дардыкин все привык доводить до конца. Тем более, что в квартире девушки наверняка имелся телефон.

Леха поднялся на один лестничный пролет и нажал на звонок. Дабы не раздражать хозяйку раньше времени, указательным пальцем прикрыл глазок. За дверью послышались легкие шаги, и тихий голос спросил:

– Это ты, Аскер?

– Это я. Тот самый парень, которого вы пять минут назад послали к черту.

– Что вам надо? Уходите, иначе я вызову милицию!

– Девушка, милая, – ласково пробасил Дардыкин, – милицию вызывать все равно придется. У вас тут труп на первом этаже...

– Какой труп? Перестаньте шутить! Уходите!

– Я не шучу, к сожалению – Леха полез в карман и вытащил удостоверение охранника. – Девушка, вы меня не бойтесь. Я не убийца и не насильник, а частный охранник. Понимаю, вы мне не верите. Поэтому я сейчас поднесу к вашему глазку свою визитку, где черным по белому написано: Алексей Дардыкин, охранное агентство «Олимп», и т. п. и т. д. Там имеется моя фотография. Сравните и убедитесь, что я – это я...

Несколько секунд в квартире стояла тишина.

– Ну что, убедились? – спросил Леха.

– Такое удостоверение не трудно подделать.

– Вы правы. Если вы мне не верите, тогда наберите 02, назовите свой адрес и сообщите, что в вашем подъезде на первом этаже лежит мертвый мужчина. А четырьмя этажами выше – предполагаемый убийца... Не волнуйтесь, я его на время дисквалифицировал.

Девушка недоверчиво хмыкнула.

– Вы что, совсем рехнулись? Случайно не из психушки сбежали?

– Нет, милая. Хотя после того, что мне пришлось пережить, я – потенциальный клиент этого заведения. Да, кстати! Когда будете звонить в милицию, не забудьте упомянуть о том, что этот киллер покушался на вас...

– На меня? Вы это серьезно?

– Серьезней некуда. Между прочим, если бы не я, то в подъезде было бы уже два трупа... Ладно, мое дело маленькое. Я вообще-то спешу, – Леха сделал прощальный жест и заторопился к лифту.

Он был уверен, что девушка купится на эту уловку и обязательно откроет. Во-первых, все бабы любопытны. Во-вторых, страшные трусики. И эта юная особа, естественно, не была исключением из правил. Собственно, так оно и получилось, как планировал Дардыкин. Не успел он прикоснуться к кнопке вызова, щелкнул замок, и дверь открылась. Девушка, которая минуту назад тряслась от страха, теперь выскочила на лестничную площадку в одном халатике.

– Эй, Алексей, погодите!.. Ведь вас, кажется, так зовут? Если не шутите, то я хотела бы узнать все подробности.

– Подробности чего?

– Ну, – голос девушки дрогнул, – подробности покушения. Вы могли бы зайти ко мне, рассказать, а потом мы бы вместе позвонили в милицию.

Дардыкин сделал вид, что приглашение его удивило. Хотя на самом деле ему не терпелось поближе познакомиться с очаровательной хозяйкой. В том, что она очаровательна, Леха убедился пару минут назад, когда девушка предстала перед ним во всей своей красе. Высо-

кая, стройная блондинка с длинными ногами и огромными глазищами. Ее бы на подиум, заткнула бы за пояс саму Синди Кроуфорд!

Вообще-то, несмотря на ангельское выражение лица девушки, Леха не сомневался, что за этой кралей водятся кое-какие грешки. Исходя из собственного опыта, он знал, что профессиональных киллеров заказывают только на тех, у кого рыльце в пушку.

– А как зовут вас? – игриво спросил он, переступая порог.

– Жанна.

В тесной прихожей развернуться двоим было трудновато. Пока Дардыкин снимал обувь, Жанна, дабы не мешать гостю, отступила в комнату. Нервно теребя полы халата, искоса поглядывала на Леху. На ее утонченном лице читалось любопытство, смешанное со страхом. Несколько раз Жанна порывалась что-то спросить, но в последнее мгновение передумывала.

– Если хотите позвонить в милицию, телефон в комнате, – наконец сообщила она. – Только вначале расскажите мне об этом... преступнике. И о том, что за труп вы обнаружили в подъезде.

Дардыкин не стал спорить, рассудив, что со звонком в милицию можно и подождать. И никуда этот киллер не денется. Будет лежать себе спокойненько в уголочке и тихо сопеть под нос.

Вслед за хозяйкой Леха прошел в комнату, сел на диван и с любопытством огляделся. Будучи по натуре неисправимым бабником, он даже в подобной ситуации решил не терять времени даром. Прежде чем приступить к обстоятельному изложению событий, нахально потребовал принести кофе. Жанна здорово удивилась, но не стала перечить. Вышла на кухню, оставив гостя одного.

Пока девушка грохотала посудой, Дардыкин принялся внимательно изучать апартаменты. Квартирка Жанны оказалась маленькой, однокомнатной хрущевкой. Запущенной, неуютной, забитой допотопной мебелью. Обои старые, ковер на стене выцветший, обивка на диване протерта до дыр. Однако в этой нищете имелся и свой маленький оазис – в углу стоял фирменный телевизор и дорогой видеомэгафон.

– Кофе готов, – мягко напомнила о себе Жанна и предложила: – Пошли на кухню?

– Пошли.

Кухня в отличие от комнаты, имела более привлекательный вид. Тут было гораздо чище. Но не более. Уютом и здесь не пахло. Стандартные кухонные шкафчики, стол, даже не застеленный скатертью, вилки и ложки стоят прямо в стеклянном стакане. Леха поймал себя на мысли, что Жанна живет как-то странно. Словно ей глубоко наплевать на все, что касается быта. Почему такая красивая девушка так запустила свой дом? Причин могло быть несколько, но Дардыкин решил не ломать голову по пустякам. В конце концов, в этой квартире он в первый и последний раз. Жениться на Жанне он не собирается, сватать кому-нибудь – тоже. Так какие, собственно, проблемы?

– Ну, так и будем молчать? – первым нарушил тишину Дардыкин.

Девушка удивленно усмехнулась.

– По-моему, мне рассказывать нечего. Это вы горели желанием поведать мне про свои подвиги.

– Ладно, слушайте, – легко согласился Леха и достаточно подробно изложил то, что произошло с ним полчаса назад.

Жанна слушала его даже очень внимательно. Не перебивала ненужными вопросами. Не округляла глаза и не говорила: «Какой ужас!» Просто спокойно пила кофе, иногда поглядывала на свою чашку, иногда на Дардыкина. Когда Леха закончил, тяжело вздохнула и устало проговорила:

– Во все, что вы сейчас рассказали, верится с большим трудом. Тот парень внизу, похожий на кавказца, наверняка мой знакомый. Нет, не приятель. Скорее, знакомый моего прия-

теля. Убитого зовут Аскер. Он чеченец. Я видела его всего один раз, и что он делал здесь в такое позднее время, я не знаю.

– Время, скорее, раннее, – заметил Леха.

Теперь он поглядывал на Жанну с некоторым сомнением. Дардыкин точно помнил, что когда он позвонил в дверь, девушка спросила: «Это ты, Аскер?» Так что все рассказы про то, что она его не ждала – бред сивой кобылы. Но Леха решил не строить из себя следователя. Он просто спросил:

– А что вы думаете по поводу того, второго? Профессионального киллера.

– Я не представляю, кто мог меня заказать. У меня нет врагов, я не занимаюсь ни политикой, ни бизнесом. Работаю обыкновенной секретаршей в фирме среднего масштаба. Фирма, между прочим, вот-вот развалится. Мой шеф не ворочает бешеными суммами, вовремя платит налоги. Так что не вижу причин для паники.

– Но я своими глазами видел, как этот шустрый парень шел за вами. Я видел, как он доставал свою пушку, как целился...

– Он мог случайно перепутать подъезд. Или дом. Или улицу...

– Не мог. Я уверен, что убийца поджидал именно вас. Во-первых, он был точно осведомлен, во сколько вы придете домой. Во-вторых, вас трудно с кем-нибудь перепутать.

– Да это глупо и нелепо! – Жанна громко расхохоталась. – Кому я нужна?!

– А чем занимается, точнее, занимался ваш знакомый Аскер? Может, все дело в нем?

– Я видела его всего один раз, в ресторане, – с раздражением повторила Жанна. – Он приятель моего друга, который занимается бизнесом. А мой друг в данный момент в отъезде. И, честно говоря, я его не видела уже много месяцев.

– Короче, я могу звонить в милицию? – уточнил Леха.

– А зачем вы это у меня спрашиваете?

– А затем, что оперативники будут задавать мне кучу вопросов.

– И что?

– А то, что мне придется рассказать им все, что вы только что услышали. И про киллера, и про вас. Это мне вы можете вешать лапшу на уши, что у вас нет врагов, что фирма, в которой вы работаете, скоро объявит себя банкротом. И то, что убитого парня вы видели всего один раз. Я выслушаю вас и уйду. А вот менты будут вас трясти, как липку. Даже, если вы – несостоявшаяся жертва. В конце концов, они могут допросить киллера. А он точно признается, почему торчал в подъезде в такую рань...

– Послушайте, – устало проговорила Жанна, – мне все равно. Я не имею к этому никакого отношения. Телефон в комнате, идите и звоните.

В этот момент Леха услышал несколько негромких хлопков, похожих на выстрелы. Ему показалось, что эти звуки доносятся с лестничной площадки. Вообще-то в панельных домах всегда была хорошая акустика, поэтому Дардыкин мгновенно насторожился.

– Вы ничего не слышали? – спросил он у девушки.

Та пожала плечами.

– Нет.

– Извините, я на минутку.

Он вскочил с табуретки и ринулся в прихожую, на ходу вытаскивая из кармана конфискованный пистолет. Отпер входную дверь и осторожно выглянул в коридор. Там было пусто и тихо. Услышав за своей спиной шаги, не оборачиваясь, прошипел:

– Жанна, идите в комнату.

Удостоверившись, что девушка исполнила приказание, вышел из квартиры и осмотрелся. На лестничной площадке пахло порохом. Все сомнения разом рассеялись, и Дардыкин, предчувствуя неладное, ринулся туда, где оставил связанного киллера.

Убийца лежал на том самом месте, почти в той же самой позе, но теперь он вряд ли бы сгодился на роль свидетеля. Теперь ему больше подходила роль клиента морга. Проще говоря, покойника. Несколько выстрелов в грудь, и в подъезде стало еще на один труп больше.

Перепрыгивая через ступеньку, Дардыкин бросился вниз по лестнице. Конечно, он здорово рисковал. Если те, кто застрелил киллера, все еще находились в подъезде, быть ему потенциальным кандидатом в мертвецы. Но он верил в свою удачу и профессионализм. Тем более, что у него было оружие. Пистолет для убийц, а это, вам, не хухры-мухры!

Дардыкин благополучно спустился вниз, так и не встретив никого на своем пути. Вышел на улицу, огляделся. Сердце бешено стучало, и Леха, торопливо разорвав пачку сигарет, закурил. И вдруг на него что-то нашло. Какое-то предчувствие, что ли? Такое с ним случалось только два раза в жизни. И оба раза в Чечне. Повинуясь инстинкту, Дардыкин упал на грязный асфальт, и в это самое мгновение над его головой прогрехотала автоматная очередь. Взвизгнули тормоза, как показалось Лехе, прямо над ухом. Какая-то машина метнулась в переулок. Почти во всех окнах дома, стоящего напротив, загорелся свет...

«Пожалуй, с вызовом ментов я промахнулся, – вдруг подумал Дардыкин. – Надо было звонить им сразу, а не базарить с этой красоткой... А теперь мне надо срочно делать ноги, а то еще, чего доброго, эти убийства навешают на меня».

Глава 5

Мономах терпеть не мог опаздывать. Но больше всего не любил, когда опаздывают другие. Сам он всегда старался выезжать из дома заранее, делая скидку на всякие непредвиденные обстоятельства, типа пробки на дорогах. К этому Мономах приучил почти всех своих сотрудников, начиная от секретарши и заканчивая охранниками. В агентстве было только одно исключение – Леха Дардыкин. В отличие от своего пунктуального шефа он никогда никуда не приходил вовремя. В лучшем случае опаздывал минут на пятнадцать. В худшем – появлялся в офисе ближе к обеду. Вначале, когда их агентство только набирало обороты, Сергей Толоконников не мог понять, как такого балбеса, как Леха, терпят их клиенты. Когда тебе необходимо немедленно отправляться на деловую встречу, а твой охранник где-то задерживается – это уже не шуточки. Но, как ни странно, нареканий со стороны «новых русских» никогда не поступало. Чем подкупал их Дардыкин, каким образом оправдывал свои опоздания – эти вопросы так и остались для Мономаха загадкой. Клиенты были до смерти довольны своим охранником и иногда даже приплачивали сверхурочные. Так что «пунктуальность» Лехи никак не сказывалась на их совместном бизнесе.

Впрочем, в глубине души Мономах прекрасно понимал этих «новых русских». Дардыкин был профессионалом и позволял себе расслабиться только в том случае, когда не чувствовал реальной угрозы. А чутьем он обладал отменным. В критической ситуации Леха умудрялся собраться за рекордное число секунд, действовал смело и решительно, рисковал ровно настолько, чтобы самому не оказаться в дураках. В результате – вполне заслуженная слава самого лучшего телохранителя, который не предаст и не подведет.

Мономах любил и уважал Леху и прощал ему многие слабости. Тем более, что этот недостаток был чуть ли не единственным недостатком Дардыкина. Ну не может человек приходиться на работу ровно в девять, ну и ладно. Не велика беда...

Именно об этом размышлял Мономах, подъезжая к дому, где находился офис «Олимпа». Они взяли в аренду это помещение два месяца назад. Конечно, пришлось выплатить приличную сумму, но Сергей надеялся, что рано или поздно это себя оправдает. Все-таки офис почти в самом центре Москвы, на Малой Ордынке.

Проезжая по Зацепскому валу, Мономах подумал, что за последние несколько лет Москва здорово изменилась – супермаркеты, яркая реклама, непривычно чистые улицы. Плюс ночные рестораны и кафе, как на Западе. Только ходит туда преимущественно околوماфиозная публика, а простые российские граждане ни сном ни духом не ведают, какая в этих заведениях кухня.

Подкатив к знакомому зданию с неяркой вывеской «Олимп. Охранное агентство», Мономах свернул в арку и, проехав несколько метров, остановил машину. В этом дворике он обычно ставил свой автомобиль, темный, сверкающий «БМВ», сделанный в Германии на заказ. Сергей отдал за эту машину свои последние сбережения, но никогда не жалел об этом. Автомобиль помог ему преодолеть некоторые комплексы, уверовать в свою независимость. Ведь теперь Мономах мог в любое время дня и ночи сорваться с места и поехать куда угодно. Салон авто был сверху донизу напичкан электроникой, даже спуск для инвалидной коляски вызывался определенной командой. Этот автомобиль был чудом нынешнего века, и Мономах был уверен на все сто – создателю этого произведения искусств необходимо дать Нобелевскую премию. И не только за научные достижения...

Выбравшись из салона, Мономах запер все дверцы и включил сигнализацию. И вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Крутанув рычаги управления, повернул коляску и удивленно вскинул брови – в нескольких метрах от него стоял Дардыкин. Стоял и спокойно курил. И делал вид, что оказался в этом месте совершенно случайно.

«Кажется, он опять вляпался в какую-нибудь историю, – подумал Мономах, подъезжая поближе. – Иначе бы не пришел на работу в восемь утра».

– Привет, – как ни в чем не бывало поздоровался Леха и улыбнулся. – Ну что, пошли? Сегодня я, как никогда, готов к труду и обороне.

Мономах знал Леху Дардыкина как облупленного, поэтому удержался от всяческих распросов. Естественно, до поры до времени. Леха должен был созреть для разговора, а иначе задушевной беседы могло и не получиться. Дардыкин терпеть не мог, когда кто-то лез к нему в душу. Даже если этот кто-то – твой любимый шеф и лучший друг в одном лице.

Приветливо кивнув охраннику, дежурившему у черного входа, Мономах проехал в вестибюль и направился к лифту. Непривычно молчаливый Леха следовал за ним, словно привязанный. Обычно он шутил, балагурил, заигрывал с симпатичными уборщицами. Но сегодня Леха так старательно скрывал свое дурное настроение, что это бросалось в глаза.

Девушка, которая убирала в холле, проводила Дардыкина недоуменным взглядом. А пожилая лифтерша даже поперхнулась, когда Леха не сказал ей свое традиционное «доброго здоровьечка Марьяновна». Короче, если бы Дардыкин вдруг решил подрабатывать в ФСБ секретным агентом, то на его рассекречивание ушло бы не больше двух часов...

На лифте Мономах и Дардыкин поднялись на второй этаж. Затем по пустынному коридору направились к своему офису. За редким исключением секретарша приходила к девяти утра, а сейчас было только начало девятого. Поэтому Мономах сам отключил сигнализацию и, достав ключи, отпер дверь кабинета. Все это время Леха молча стоял сзади, переминаясь с ноги на ногу. Проще говоря, корчил из себя обиженного судьбой бойскаута.

– Кофе будешь? – спросил Сергей, снимая куртку и, не дождавшись ответа, предупредил: – Если будешь, сделай сам.

– Тогда не буду. Спасибо.

– Ладно. Я тоже сегодня не настроен на расслабон. Значит, так, садись и слушай. Я хочу серьезно с тобой поговорить.

Леха послушно сел на диван и, забросив ногу на ногу, с предельным вниманием уставился на Мономаха.

– У нас появилась реальная возможность неплохо заработать. Знаешь генерала Боброва?

– Того самого?

– Да. Того самого. Так вот, генерал Бобров страстно желает, чтобы мы его охраняли.

– И когда это ты успел заключить с ним договор? – с обидой спросил Леха. – Только вчера виделись, и ты мне ничего не сказал.

– На то имелись веские причины, – признался Мономах. – Честно говоря, я не в восторге от этой почетной миссии.

– Ты что?! – возмутился Дардыкин. – Да это же шикарная реклама нашему «Олимпу»! Теперь наши клиенты будут записываться к нам в очередь!

– Не уверен, что это поднимет наш авторитет. Генерал Бобров – скользкая личность... Но выбирать не приходится. Тем более, что он платит хорошие деньги... Да, скажу тебе по секрету. Генерал Бобров обещал познакомить меня с известным немецким хирургом. И оплатить мою операцию.

– Да ты что?! – впервые за сегодняшнее утро на лице Лехи промелькнуло удовлетворение. – Да это же подарок судьбы! Ну, Серега, не упусти свой шанс! Теперь я буду охранять генерала с удвоенным вниманием!

Мономах, не обращая внимания на бурный восторг Дардыкина, спросил:

– Кто из ребят сейчас свободен?

– Группа Ивана Петровича – Сеня, Игорек и Кирилл.

– Вот их и пошлешь на дачу Боброва. Они должны находиться там круглые сутки. Никуда не отлучаться. Ни с кем не вступать в контакт...

– Постой, – перебил Леха. – Я почему-то решил, что Бобров нанимает нас для личной охраны.

– Для личной охраны у него есть свои люди. На даче он бывает каждые выходные, и на это время отпускает своих телохранителей. Так что работы всем хватит. Тем более, если верить его словам, генерала не раз пытались убить. И как раз в то время, когда он отдыхал на даче.

– Послушай, Сергей, давай я сам поеду туда! – с энтузиазмом предложил Дардыкин. – Давно мечтал отдохнуть на природе, расслабиться, дурака повалить.

– Во-первых, ты мне нужен здесь. Во-вторых, там расслабляться не придется... И вообще, что за дела? Приказы не обсуждают. Ребята справятся сами. И вполне успешно.

– Не сомневаюсь, – буркнул Леха и обиженно поджал губы.

– Если тебя так волнует безопасность Боброва, можешь держать с ними круглосуточную связь и контролировать ситуацию. В случае необходимости подъедешь. Здесь недалеко.

– А что, у нас какие-то срочные дела?

– Срочных дел нет, но в любое время могут появиться. Так что отправляйся в спортзал и предупреди Ивана Петровича. Я обещал Боброву, что мои люди прибудут на дачу завтра, ровно в одиннадцать.

– Послушай, Мономах, я очень хочу охранять этого генерала, – пряча глаза, сообщил Леха. – Понимаешь, мне это очень нужно. Я ведь тебя никогда ни о чем не просил. А теперь прошу – отправь меня на эту чертову дачу!

– Что-то произошло?

Дардыкин замялся. Пожал плечами, буркнул что-то неопределенное, встал и подошел к окну. В эту минуту он показался Мономаху каким-то растерянным, удрученным и ужасно одиноким.

– Что с тобой? – уже настойчивее спросил Мономах. – Ты поссорился с Зоей?

– И это тоже. Не зря говорят – одна беда не ходит.

– Размолвка с Зоей – не такая уж большая трагедия. Помиритесь. Вы же и раньше ссорились, но ты никогда не переживал по этому поводу.

– Мне нужно уехать из Москвы, – твердо заявил Дардыкин. – И чем быстрее, тем лучше. Вот я и подумал, что вариант с охраной дачи – подарок судьбы.

Помолчав несколько минут, он стал рассказывать. Кому-нибудь постороннему эта история показалась бы невероятной, а поступки Дардыкина весьма нелогичными и странными. Но Мономах слишком хорошо знал своего друга, чтобы охать и изумляться. Леха умел влипнуть во всяческие опасные приключения. Это была еще одна из сторон его характера – бесцеремонно вмешиваться в чужие проблемы, принимая первый удар на себя. Поэтому Мономах ничуть не удивился, что именно Леха заметил следы крови на асфальте, а затем и труп в подъезде. Кто другой прошел бы мимо, а если уж увидел, то не стал разбираться, что к чему. Просто вызвал бы милицию.

И все-таки, слушая Леху, Мономах не мог избавиться от ощущения тревоги. Откуда и почему взялась эта самая тревога, он не знал.

– ...и когда я понял, что увяз по самые уши, то быстренько смылся, даже не попрощавшись с Жанной, – наконец со вздохом закончил Дардыкин и с выжиданием посмотрел на Мономаха: – Ну, что скажешь?

– Теперь понятно, почему ты пришел на работу на два часа раньше! – улыбнулся тот.

– И это все?

– А что еще ты хотел от меня услышать? Ты и сам все прекрасно понимаешь. Не надо было разыгрывать из себя благородного разбойника, а сразу же вызвать милицию. И с пистолетом промашечка вышла. Он все еще у тебя?

– Да.

– Дай-ка мне его.

Леха вытащил из кармана конфискованное оружие и положил на стол. Несколько минут Мономах молча рассматривал пистолет, а затем сказал:

– Неавтоматический двустольный пистолет с откидным блоком стволов. МПС, или «Гроза»... Название многообещающее, да? Не самая плохая игрушка, но и не самая хорошая. У киллеров он не в почете. Хотя его конструкция не предусматривает дополнительных приспособлений типа глушителя. Сейчас, когда имеется из чего выбирать, эти парни предпочитают импортные аналоги. Надежнее и удобнее. А в этой пушке после одного выстрела патронник здорово нагревается. Скорострельность снижается. Неудобно... Знаешь, а я, пожалуй, попытаюсь узнать, кто настоящий хозяин этого пистолета.

– Каким образом?

– Свяжусь со своим старым приятелем из ФСБ и попрошу проверить, на кого зарегистрирован этот номер. Если из этого пистолета кого-то убрали, у них имеется информация на этот счет. Так что, Леха, не волнуйся. Найдем мы этих заказчиков, и снимут с тебя все подозрения.

Дардыкин вздохнул с явным облегчением.

– В общем-то я не волнуюсь. А если и волнуюсь, то не за себя.

– Что, опять влюбился? – с сарказмом уточнил Мономах. – И опять стройная, длинноногая и несчастная?

– Угадал. Все при ней. Только она какая-то зашуганная. Почему?

– Не забывай, что сегодня утром ее едва не убили. А в такой ситуации любой, даже самый крутой мафиози, будет чувствовать себя не очень-то комфортно.

– Но Жанна сказала, что понятия не имеет, за что ее заказали. А может, это и вправду ошибка?

Мономах ничего не ответил. Лишь грустно улыбнулся и покачал головой. Он не переставал удивляться наивности Дардыкина, этого большого ребенка, которого обвести вокруг пальца было так же легко, как пятилетнего малыша. Особенно, если лапшу на уши ему вешала хорошенькая женщина. Ради прекрасных глаз Леха был готов на любые, самые невероятные подвиги. Нельзя сказать, что Дардыкин был олухом по жизни. С мужиками он держал ухо востро и умел давать достойный отпор. А вот с женщинами...

– Чего такой невеселый? – вдруг напомнил о себе Дардыкин.

– Вот, задумался над смыслом жизни...

– И что надумал?

– А то, Леха, что живем мы с тобой как-то неправильно. Гоняемся за собственными тенями и не думаем о будущем. Только и делаем, что пашем беспробудно. И днем нет покоя, и ночью. Нет времени даже о себе подумать.

– Ну и что тут такого? – удивился Дардыкин. – Хочешь хорошо жить, умей вертеться. Каждый вертится как может.

Он не любил, когда Мономах начинал говорить с ним какими-то загадками. Не любил, потому что не всегда понимал, в чем суть Серегиных откровений.

– Вот ты, герой-любовник, прыгаешь из одной постели в другую, – задумчиво продолжил Мономах, – и все без толку. Твои женщины похожи друг на друга как две капли воды.

– Ну не скажи.

– Я не о внешних данных. Я об отношении. Все они относятся или относились к тебе, мягко говоря, несерьезно...

– Послушай, ты что, сегодня не с той ноги встал? – перебил Дардыкин и тут же прикусил язык, поняв, что сморозил бестактность. Покраснел и пробормотал что-то невнятное.

Мономах задумчиво улыбнулся и покачал головой.

– Я, Леха, на тебя не обижаюсь. Мне даже приятно, что ты иногда забываешь о моей беспомощности. Только вот другим почему-то эта инвалидность как бельмо на глазу. Все, кому

не лень, считают нужным высказать свои соболезнования... Ладно, хватит разводить лирику. Вернемся к нашим проблемам. Пистолет я оставляю у себя. И не качай головой, это решено.

– А что с Бобровым?

– Я повторяю: ты мне нужен в Москве. Так что ребята отправятся без тебя.

Леха горестно вздохнул, но решил не перечить.

– Ладно. Только мне негде жить. К Кириллу попроситься, что ли?

– А жена? Не хочешь позвонить ей?

– Нет. Я ее не люблю.

– А почему не разводишься?

– Не хочу. Волокиты много... Хотя, наверное, надо бы – Леха поморщился, словно съел кислое яблоко. – Ох, ненавижу таким дерьмом заниматься. Бюрократы хреновы, наплодили законов! Даже развестись проблема!

– Ладно, Леха, время не ждет. Поезжай в спортзал и сообщи Ивану Петровичу координаты дачи Боброва. Она находится за Домодедово, в районе Барыбино. Это примерно шестьдесят километров от Москвы. Деревня Выковка. Думаю, для охраны четырех человек вполне достаточно.

В те дни, когда Бобров будет там появляться, мы пришлем еще двоих. Да, не забудь сказать им, чтоб захватили карту... Не дай бог, заблудятся... На даче их будут ждать охранники генерала. Они все покажут и расскажут. Передай Ивану Петровичу, что как только придут на место, пусть свяжутся со мной. Все понятно?

– Понятно, – кивнул Леха. – Все передам, не волнуйся.

Глава 6

За неделю интенсивной работы майор Валахов и его группа не продвинулись ни на шаг в расследовании убийства академика Савельева. Были опрошены десятки научных сотрудников, соседи, знакомые и родственники тех же сотрудников и соседей. Все они тщательно проверялись на возможность контактов с мафиозными структурами. Ведь убийцы, судя по всему, были профессионалами – после себя они не оставили никаких улик и отпечатков пальцев. Действовали четко и слаженно – зашли, выполнили заказ и словно сквозь землю провалились.

Не нашлось ни свидетелей, ни фактов, подтверждающих версию, выдвинутую Балаховым, – Савельев хорошо знал хотя бы одного из преступников и поэтому без колебаний впустил их к себе в квартиру. Иначе как можно было объяснить то, что старый академик не поднял шума. Время ведь нынче беспокойное, тут даже самый беспечный гражданин, прежде чем открыть дверь, посмотрит в глазок.

Версия рассыпалась на глазах, но Валахов не отчаивался. Он знал, что рано или поздно судьба вознаградит их за добросовестный и кропотливый труд. Так оно, собственно, и случилось.

Первую хорошую новость принес Петр Ясинцев. Несколько дней подряд он работал со своими осведомителями, пытаясь разузнать, не получал ли кто-нибудь из местных киллеров подобный заказ. Добыть такую информацию всегда сложно.

Среди бандитов враждующих группировок существует негласный договор – своих выдавать только в исключительных случаях. Даже если кто-то, в силу определенных обстоятельств, становится стукачом, то стучал «по-маленькому» и так, чтобы никто не узнал. Ведь когда происходит утечка важной информации, рано или поздно, но виновника «вычисляют». И тогда ему крышка.

Поэтому Петр Ясинцев, работая с осведомителями, не останавливался ни перед чем. В ход пошло все – деньги, угрозы, обещания и даже лесть. И в конце концов удача ему улыбнулась.

Один из боевиков Марика, лидера самой влиятельной новосибирской группировки, раскололся. Он был смертельно обижен на своего бригадира за то, что тот по пьяни изнасиловал его сестру. Марик же никак не прореагировал на это происшествие. Возмущенный до глубины души бандит жаждал мести. Конечно, он мог убить обидчика, но такой исход казался ему слишком несправедливой карой. И тогда он, найдя свободные уши в лице лейтенанта ФСБ Ясинцева, заговорил...

– Я знал, что Степан давно искал со мной встречи, – спустя несколько часов после разговора докладывал Петр. – Но понятия не имел зачем. Вообще-то, если бы не непредвиденные обстоятельства, то не видать нам его откровений как своих ушей. Короче, Степан сообщил мне, что две недели назад к Марику приезжали трое чеченцев. Двое – так, мелкая шушера, а один – крутой. То есть не пешка в большой шахматной игре. Умный и хитрый. Настоящий босс. А Марик, хотя и причисляет себя к славянам, поддерживает контакты и с остальными бандитскими группировками. В частности, с чеченцами у него очень тесные отношения. Сам Степан терпеть не может «черномазых». Я, между прочим, цитирую... Так вот, Степан уже давно зрел, чтобы переметнуться во вражеский стан. Все ему денег мало. А тут еще и конфликт с Мариком. Вот парня и прорвало... Так о чем это я?

– О Степане и о чеченцах, которые приезжали к Марику, – подсказал Валахов.

– К чеченцам я вернусь чуть позже. Я не слишком путано объясняю? Нет?.. Так вот, из всей информации, выданной Степаном в порыве отчаяния, меня заинтересовала только одна. Оказывается, у Марика в милиции есть свои люди, которых он периодически нанимает в качестве охранников. Перевозки крупных сумм или товара. Все делается на законном основа-

нии, в соответствии с договором. Одним словом, одноразовый заказ. Только мне доподлинно известно, что этих ребят из милиции частенько используют не по назначению. Например, для сведения счетов с недругами, точнее, для их нейтрализации... Представьте такую картину – врывается в ресторан, где любят посидеть боевики какой-нибудь группировки, спецназ в полной экипировке. Все как положено – автоматы, маски, камуфляж, своеобразный жаргон. Арестовывают обалдевших от неожиданности бандитов, сажают их в «узики», «боевиковские» машины также забирают с собой. На следующий день лидер группировки связывается со своими людьми в милиции и интересуется судьбой задержанных боевиков. Но оказывается, что в эту ночь правоохранительные органы не проводили никаких мероприятий.

Среди арестованных таких-то и таких-то не значится. Парни, которые сидели в ресторане, исчезают бесследно...

– И к чему ты клонишь? – уточнил Валахов.

– Пробую провести параллели между нашим расследованием и приездом гостей Марика. Если верить Степану, то в тот период, когда приезжали чеченцы, Марик нанимал милиционеров для какой-то важной и срочной работы. Не для охраны груза, не для перевозки денег и не затем, чтобы нейтрализовать конкурентов. Марик нанимал милиционеров для своих южных гостей! Так сказать, выступал в роли посредника. За все услуги платили чеченцы, и платили немало... Вот мы тут дружно ломали голову, что заставило академика Савельева впустить преступников в свой дом? Ведь он, если верить показаниям соседей, был подозрительным и осторожным. Никого к себе не приглашал, бывших коллег принимал только по предварительной договоренности... А ведь экспертиза установила, что замок не был взломан!

– Преступник мог открыть дверь своим ключом, – предположил Мельников.

– Все запасные ключи хранились у академика в столе.

– Не трудно заказать копию.

– Каким образом? Не забывай, что Савельев почти никуда не отлучался. Выкрасть ключ из его квартиры так же сложно, как мне или тебе отправиться на Луну.

– И что?

– А то, что преступники попали в квартиру обычным способом – позвонили, им открыли, они вошли.

– Я с тобой совершенно согласен, – кивнул Мельников. – А возражаю из вредности.

Он улыбнулся и посмотрел на майора Балахова – как тот реагирует на их словесную перепалку, так сказать, обмен мнениями. Петр и Андрей, работая в паре, частенько дискутировали, и, как ни странно, во время подобных споров рождалась истина. Валахов с превеликим удовольствием поддержал бы игру, но у него не было веских доводов, чтобы уложить своих подчиненных наповал. Поэтому он придал лицу многозначительное выражение и промолчал.

Петр нахмурился, почесал подбородок и поднял глаза.

– Черт, потерял мысль... Так на чем мы остановились?

– Мы решили, что Савельев доверял этому человеку, как самому себе, – напомнил майор.

– Да, но среди его знакомых таких людей не существует! – Петр обвел всех торжествующим взглядом. – Все в один голос утверждают, что характер у покойного академика был отвратительнейший. К нему, если и заглядывали, то по крайней необходимости. Он и открывал-то не всем! А тут вдруг такое радушие и беспечность.

– И каким образом это увязывается с чеченцами? – удивился Валахов. – Ты хочешь сказать, что это они его убили?

– Я не знаю. Вероятнее всего... Если верить Степану, то двое чеченцев, те, которые попроще, уезжали из Новосибирска в спешном порядке в тот самый день, когда умер Савельев. Если верить заключению экспертизы, то академика убили днем. Марик провожал гостей вечером. Совпадение? Я не верю в такие совпадения. Тем более, что чеченцы были веселы, уверенны в себе и производили впечатление людей, удовлетворенных результатами команди-

ровки... Один из них даже сказал на прощание: «Скоро вы о нас услышите!» Интересно, что он имел в виду?

«Этого еще не хватало, – похолодел майор. – Значит, в игру вступили чеченцы. Вероятнее всего, чемоданчик попал к ним во время войны. Тогда везде творилась такая неразбериха, что даже простой солдат мог вынести со склада с десятков гранатометов. Не говоря уже о чемоданчике... Но любая ядерная мини-установка – не более, чем игрушка, если не знать кодов запуска. Теперь понятно, для чего чеченцам был нужен Савельев. Только те, кто создал эту адскую машину, знали, как ее запустить...»

Валахов постарался ничем не выдать своего волнения и как можно спокойнее спросил:

– Ты говоришь, из Новосибирска уехали только трое?

– Да. Один остался. По-прежнему гостит у Марика. Наслаждается радостями жизни в его загородном доме и, судя по всему, в ближайшее время никуда не собирается.

– Тебе удалось выяснить, кто он такой?

– Да. Некий Алехан Тарамов – бизнесмен. Так что тут не подкопаешься. Мало ли какие дела у него могут быть в Новосибирске. Уверен, что у него все документы в полном порядке.

– Алехан Тарамов, говоришь? Черт побери! Да это как раз наш клиент! – возбужденно воскликнул майор. – Он один из основателей чеченской группировки. Занимается торговлей оружием и прочими грязными делишками. Но брать его просто так, без веских причин, нельзя. Он и вправду хитер и изворотлив. Как вы считаете, зачем он приехал сюда? Может, договариваться о новых поставках оружия или наркотиков?

– Ответа на этот вопрос у меня нет, – развел руками Ясинцев. – Зато я могу объяснить, почему Савельев открыл дверь без всяких проволочек.

– Объясни.

– Вот скажи, Андрюха, – вдруг обратился Петр к Мельникову, – как бы ты поступил в подобной ситуации? Сидишь ты дома, работаешь. Вдруг звонок. Ты подходишь к двери, смотришь в глазок. На лестничной площадке стоят двое омоновцев. Спрашиваешь: «кто», тебе отвечают: «милиция» и показывают удостоверения. Твои действия?

– Ну, – улыбнулся Мельников, – набрасываю цепочку, открываю дверь и тщательно изучаю удостоверения. Затем звоню в то отделение, где по документам числятся эти ребята, и спрашиваю, работает такие у них или нет.

– Правильно. Тебе отвечают, что старший лейтенант такой-то у нас служит. И такой-то тоже. Только сейчас они на задании. Твои сомнения рассеялись. Тебе даже стыдно за свою недоверчивость. Ты возвращаешься к двери и, извинившись, выпускаешь омоновцев в квартиру. И вот тут начинается самое интересное. Откуда ни возьмись к тебе в дом заскакивают вооруженные люди. Стражи порядка немедленно исчезают, а ты остаешься один на один с преступниками. Думаю, примерно по такой схеме действовали чеченцы. Савельев был так ошарашен, что не сумел вовремя сориентироваться. Но зачем им было его убивать?.. Андрюха, ты, кажется, хотел что-то сказать?

– Да. Интуиция мне подсказывает, что убийство Савельева связано с его научными разработками. Только вот с какими? Академик уже много лет на пенсии и ничего нового не изобрел. Значит, надо хорошенько покопаться в его прошлом. Вернуться к тому времени, когда он был полон сил и энергии и работал в институте. Мне кажется, узнай мы причину, по которой убили Савельева, и вычислить преступника будет очень просто.

– Ты так думаешь? – с сарказмом спросил Ясинцев.

– Я уверен, что тот, кто навел чеченцев на академика, в недалеком прошлом имел непосредственное отношение к научным проектам Савельева. Возможно, даже работал под его началом. Ведь проекты Савельева были засекречены. О них знали весьма немногие – заказчики и те, кто помогал академику. Маловероятно, что тот, кто сдал Савельева чеченцам, все еще работает в институте. Значит, круг поисков заметно сужается.

– Все это похоже на правду, – согласился Ясинцев. – И если мы попали точно в цель, то я нам, ребята, не завидую. Попомните мое слово, это дело зависнет. Даже если мы хорошенько потрясем Марика, и он сообщит нам координаты этого Алехана Тарамова. Даже если прокуратура выдаст ордер на его арест. Даже если мы в конце концов вычислим этого иуду, который продал чеченцам Савельева, результат будет нулевой. Нулевой, потому что чеченцы давно в Грозном. Хорошо, если они уехали туда с пустыми руками.

А если нет? Если они заставили Савельева отдать им результаты своих исследований? В таком случае не в нашей компетенции что-то исправить...

«Он прав, – мысленно согласился Валахов. – Но это не означает, что я должен останавливаться на полпути... А этим ребятам, Мельникову и Ясинцеву, палец в рот не клади! Хоть и молодые, да ранние. Умеют работать с фактами... Рано или поздно они выйдут на ядерный чемоданчик и поймут что к чему. Естественно, они потребуют, чтобы об этом узнало наше руководство. И вот тогда могут возникнуть недоразумения... Мое преимущество в том, что на данном этапе я знаю гораздо больше. Но не пройдет и двадцати четырех часов, как Ясинцев и Мельников будут владеть полной информацией. Что же мне предпринять?! Что?.. Они смотрят на меня, не отрываясь. Они ожидают моего решения. Ведь я – командир группы, и именно я должен расставить все точки над “i”...»

– Что ж, парни. Несмотря на бесперспективность этого дела, будем выходить на чеченцев, – наконец сказал Валахов. – Этим займется Петр.

Ясинцев с готовностью кивнул. Видимо, ему самому не терпелось побыстрее окунуться в работу. Он был молод и энергичен и еще не успел устать от бесконечных разработок, отчетов, вербовок и прочих издержек выбранной им профессии.

– Попробуй потрясти своего Степана, – продолжил майор, – а если представится возможность, то и самого Марика. Он наверняка знает, каким образом, не вызывая подозрений, можно войти в доверие к Тарамову.

Петр широко улыбнулся.

– Мне кажется, я смогу поднажать на Марика, – с невинным видом сообщил он, вставая. И, направляясь к двери, на ходу продолжил: – У этого идиота есть одно слабое место – непомерная любовь к несовершеннолетним. У меня есть на него кое-какой компромат. Я прижму его сегодня же вечером, и он выложит мне все!

Ясинцев вышел, сверкая белозубой улыбкой. Он так спешил побыстрее выполнить задание, что совершенно позабыл попрощаться. В кабинете остались двое – майор Валахов и капитан Мельников. Они молчали. Время от времени Мельников бросал на майора испытующие взгляды, как бы спрашивая: «Интересно, а куда вы меня пошлете?». Выражение его глубоко посаженных глаз настораживало, и Валахов вдруг почувствовал, как по спине разливается неприятный холодок.

«Что это со мной? – подумал он. – Нервишки пошаливают, что ли?»

Но теперь он был уверен совершенно определенно – от капитана Мельникова исходит опасность. Валахов пытался собраться с мыслями, привести их в порядок. К сожалению, взгляд капитана мешал сосредоточиться, и пауза затягивалась.

– Знаешь, Андрей, тебе придется вплотную заняться научной деятельностью академика, – медленно начал Валахов, избегая смотреть на своего собеседника. – Если версия о чеченцах подтвердится, то нам необходимо знать, что они пытались узнать у Савельева. Или узнали...

– Узнали, Константин Валерьевич, – неожиданно перебил Мельников. – И я даже знаю что.

– Ну и?

– А вы разве не догадываетесь?.. Коды ядерного чемоданчика.

«Так, спокойно, держи себя в руках, – мысленно приказал себе Валахов. – Он наблюдает за твоим лицом. Ему интересно, как ты реагируешь на это сообщение... Вот черт, стервец, докопался же все-таки до истины!»

– Ты уверен? – небрежно уточнил он.

– Да.

– На все сто?

– И даже двести.

– Ну-ка, расскажи, каким образом тебе удалось узнать правду.

– Так же, как и вам, Константин Валерьевич, – путем умозаключений. Не зря же я шесть дней подряд обивал пороги института, расспрашивал бывших коллег Савельева и уточнял, с кем покойный академик работал над своими проектами. Мои труды не пропали даром – я вышел на нескольких людей, которые были особенно близки с Савельевым. Антон Смагорин, раз, – Мельников принялся загибать пальцы. – Левушка Розин, два. И Вера Михайловна Березова, три. К сожалению, мне так и не удалось поговорить с ними. Надеюсь, вы догадываетесь, почему?

– Допустим.

– И Смагорин, и Розин, и Березова не в состоянии давать показания. Все те, кто имел самое непосредственное отношение к черному чемоданчику, уже давно мертвы. Только не надо убеждать меня, что вы не знали об этом. Я все равно не поверю... – Мельников тяжело вздохнул и вновь улыбнулся. – Странно, что всю неделю, пока мы работаем вместе, вы молчали. Могли бы и поделиться информацией. Все-таки одна команда. Или нет?

– Послушайте, Андрей, – резко начал Валахов. – По-моему, вы забываетесь! Ваше дело подчиняться моим приказам. И не в вашей компетенции давать мне советы и делать какие-то выводы. Я не собираюсь перед вами оправдываться, потому что вы – капитан, а я – майор. Вы служите в местном филиале Федеральной службы, а я приехал из Москвы.

– Скажите, а ваше руководство знает о том, чем конкретно вы здесь занимаетесь? Мне почему-то кажется, что не знает.

«Ну наглец!» – возмутился Валахов, с трудом сдерживаясь, чтобы не выставить этого зарвавшегося капитана за дверь.

Мельников сидел на стуле, забросив ногу на ногу, и пускал колечки синего дыма к потолку. Он явно любовался собой в эту минуту и казался самому себе настоящим героем – это же надо, без посторонней помощи сумел вывести на чистую воду столичного майора.

– Так вот, Константин Валерьевич, – сказал он, гася сигарету, – никто, даже Петька не знает, для чего вы здесь. Все уверены, что вы сели на хвост одной бандитской группировке, занимающейся оружейным бизнесом, и ведете свою разработку. Но, насколько я успел понять, все это – прикрытие. Вас интересует черный чемоданчик. Наверняка у вас уже имеется покупатель на эту прелестную вещицу. И, возможно, выплачен аванс. Но вот беда, товара-то у вас все еще нет. И без нашей помощи вы его не достанете...

Мельников не успел договорить фразу до конца, так как Валахов громко расхохотался.

– У вас очень богатая фантазия, капитан, – не переставая смеяться, констатировал он. – Но я не в силах запретить вам думать, анализировать и делать выводы. А уж тем более фантазировать. И не в моей компетенции помешать вам донести до ушей начальства эту несусветную чушь! Да, я знал о чемоданчике. Ну и что?

Несколько секунд Мельников молча смотрел прямо перед собой. Его глаза приобрели то самое выражение, которое прежде в них только угадывалось, – властность, граничащая с безумием. Наконец он с шумом отодвинул стул, на котором сидел, и неопределенно махнул рукой.

– Ладно, Константин Валерьевич, считайте, что я вам поверил, – со вздохом проговорил он. – Вы и в мыслях не допускали, что такое вообще возможно! Да это же позорная сделка,

порочающая честь и совесть российского офицера! Я вам поверил, и даже больше – приношу свои извинения. Но поверит ли вам полковник Головка, узнав все подробности? Согласитесь, ваше поведение в сложившейся ситуации по меньшей мере странно. В Москве ничего не знают об истинных причинах смерти Савельева и тех, кто десять лет назад работал под его руководством над проектом ядерного чемоданчика. Там не знают, а вы знаете. Если так, то почему тянете резину и не докладываете? Ведь то, что чемоданчик находится у чеченцев – грандиозный скандал. Может случиться, что об этом пронюхают журналисты. Вот тогда вам уж точно не отвертеться...

Такого поворота событий Валахов не ожидал. Чего угодно, но не откровенного шантажа. Конечно, в его планы не входило раскрывать карты перед своим непосредственным начальником, полковником Головкой. До поры до времени, разумеется. Он собирался довести это дело до конца, а затем выложить готовую разработку на стол полковника. Балаховым, скорее, руководило тщеславие, чем корыстные побуждения. Он даже не думал над тем, что чемоданчик можно неплохо продать. И тем самым обеспечить себе безбедное существование до самой старости. Но этот молодой человек, наглый и самоуверенный, посеял в его душе сомнения.

«Даже, если я продам сведения о чеченцах, мне неплохо заплатят, – вдруг подумал майор. – Кому?.. Ну, на такой ходовой товар найти покупателя не проблема. Через свои каналы я могу забросить удочку таджикам или туркам. А если бы у меня был этот чертов чемоданчик, тогда бы мне заплатили гораздо больше. Но где и как его отыскать?.. Может, Мельников прав, и его стоит взять в долю?»

Валахов без труда мог избавиться от своего подчиненного, который, сам того не желая, подсказал майору эту гениальную идею. Мог, но решил не делать этого. Валахов реально оценивал свои силы и понимал, что ему одному не справиться. Поэтому принял правила игры, навязанные Мельниковым. Пока принял.

– Короче, Андрей, что вы хотите? – небрежно уточнил он.

– Я хочу, чтобы вы не забыли меня и Ясинцева, когда состоится сделка. На двоих нас вполне устроит сорок процентов... По двадцать на каждого. Господь учил: надо делиться.

– Сорок, так сорок, – согласился Валахов.

Огонек алчности в глазах Мельникова стал явственнее. Он уже не считал нужным скрывать свои истинные чувства.

– Сегодня к вечеру мы будем знать все об этом Тарамове, – с некоторым превосходством сказал Андрей. Еще бы, ведь он ощущал себя победителем. – Я не сторонник прогнозов, но думаю, Ясинцев все выяснит. Марик сидит на крючке крепко. Спасая свою задницу, он продаст даже мать родную.

– Петр знает о чемоданчике? – спросил Валахов, испытующе поглядывая на собеседника. Тот отрицательно мотнул головой.

– Нет.

– Он согласится работать с нами?

– Думаю, да.

– Уверен?

– Я знаю Петра уже пять лет. Наши мнения на многие вещи совпадают. Надеюсь, совпадут и на этот раз.

– А если нет?

Мельников пожал плечами.

– Поживем, увидим, – неопределенно ответил он.

Эта неопределенность не понравилась Балахову, но отступить было поздно.

– Ладно, приступим к делу. Мы должны отыскать тех чеченцев, которые убили Савельева. Это трудно, но возможно. К сожалению, в Чечню придется ехать инкогнито. Если, конечно,

придется. Лично мне почему-то кажется, что чемоданчик гораздо ближе, чем мы можем себе представить. А ты что думаешь по этому поводу?

Мельников неопределенно хмыкнул.

– Ничего. Мне все равно – где он. Главное: найти эту игрушку и связаться с покупателями. Думаю, переговоры о цене можно начинать прямо сейчас. Главное, не продешевить... – неожиданно Андрей замолчал.

На его лице появилась странная улыбка – будто бы улыбался покойник. Смеялся только рот, глаза же оставались холодными и дерзкими.

– Я вот тут подумал, Константин Валерьевич, – вкрадчиво начал он, – ведь мы, сами того не желая, можем столкнуться с одной серьезной проблемой...

– С какой?

– Коды! Я не специалист, но знаю, что эта адская машина включается не одной кнопкой. Нужно знать коды! Иначе сделка может не состояться.

– К сожалению, все, кто мог сообщить нам эту информацию, уже мертвы, – напомнил Валахов. – А с чеченцами могут возникнуть проблемы...

– Да, эти ребята – народ горячий.

– Ладно, не стоит раньше времени ломать голову. Чемоданчика-то у нас все еще нет.

– Нет, так будет! – зло выдохнул Мельников. – В этом я уверен!

Когда Андрей покинул кабинет, Валахов схватился за голову. Как он, опытный сотрудник, мог поддаться на такую дешевую провокацию. Ведь этот Мельников наверняка сумасшедший. Только таким образом объясняется его желание продать чемоданчик. А если у капитана не все в порядке с головой, то от него можно смело ожидать самых невероятных поступков.

«Я солидарен с ним только в одном – эта нищенская жизнь мне надоела. Ордена и медали, которыми награждает меня Родина, годятся только для того, чтобы показывать их детям. Детей у меня нет по очень простой причине – я не женат. И вряд ли женюсь в ближайшее время. Только набитая дура согласится выйти за меня. Мало того, что зарплата мизерная, так еще работать приходится круглые сутки. Никому не нравится, когда муж и днем и ночью пропадает неизвестно где... Да, деньги могут решить все мои проблемы. Тем более, что эти деньги я собираюсь заработать честным путем. Отыскать чемоданчик и коды доступа к нему сможет не каждый. Тут нужна профессиональная хватка, мобилизация всех своих сил и энергии. Да и какая, к черту, разница, у кого будет этот чемодан – у чеченцев или у иракцев. Если первые представляют для России непосредственную угрозу, то с Ираком у нас вполне дружественные отношения. Так что пусть голова болит у американцев».

Придя к таким выводам, Валахов вздохнул с облегчением. Он нашел оправдание своим действиям, и теперь никакие веские доводы не могли поколебать его решимости.

Глава 7

Дача генерала Боброва находилась недалеко от деревни Выковка, километрах в пяти. Дом был деревянный, большой, но неухоженный. Короче, одно название, что дом. Создавалось впечатление, что в нем уже много лет никто не живет. Стоит в окружении сосен эдакий нескладный гигантище, гниет потихоньку, и никому нет до него никакого дела.

– Ну и местечко выбрал этот Бобров, – хмыкнул Иван Петрович, подруливая к покосившемуся забору. – Вокруг лес и ни одной живой души. Интересно, как он тут живет?.. Недаром говорят, что не место красит человека, а человек место... Только к чему я это, а? Лично мне генерал Бобров несимпатичен. Хотя он и бывший военный, нет в нем гусарской удалости... Ну ничего, ребята, есть в этом задании один положительный момент: отдохнем мы тут на славу. Уверен – гостей и прочих посетителей тут не будет. А то я уже здорово замаялся с этими банкетками, фуршетами, пьянками, гулянками...

Из всех охранников «Олимпа», выехавших на задание, Иван Петрович Стрельцов был самым старшим и самым рассудительным. Высокий, темноволосый, жилистый, с лицом, задубевшим от загара, с узкими глазами, тонкими губами и крючковатым носом при первом знакомстве он производил впечатление опытного хищника, которому палец в рот не клади – откусит. На самом деле Иван Петрович был хорошим семьянином, душевным человеком и прекрасным работником. Педантичным, аккуратным и обязательным. Никогда не лез ни в какие авантюры, уважал начальство и ценил подчиненных. Несмотря на возраст (месяц назад Ивану Петровичу стукнуло пятьдесят), на пенсию он не собирался. Да и какая пенсия, если вот-вот появится третий внук, жена не получает зарплату уже четвертый месяц, а зять никак не может поверить, что социализм, а вместе с ним и халява, давно кончились. Так что Иван Петрович брался за любую, даже самую неблагодарную работу. А задание охранять дачу Боброва воспринял, как подарок судьбы.

Его напарник, Кирилл Лагунов, круглолицый симпатяга двадцати двух лет от роду, отнесся к сложившейся ситуации несколько иначе. Два дня назад он познакомился с прекрасной блондинкой и назначил ей первое свидание как раз на сегодняшний вечер. Тогда у Кирилла не намечалось никаких срочных дел, вот он и решил заняться устройством своей личной жизни. Тем более, что блондиночка была страсть как хороша – маленькая, юркая, как две капли воды похожая на Клаудиа Шифер. Мысленно Кирилл уже несколько раз уложил а-ля Клаудиа в кровать, а тут такой облом! Пришлось позвонить блондинке, извиниться и перенести встречу на неопределенный срок. Девушка отвечала по телефону таким язвительным тоном, что Кирилл понял – этот неопределенный срок может плавно перерасти в вечность, а о постели вообще можно забыть. Поэтому он, в общем-то обязательный по натуре, был страшно зол. Всю дорогу отпуская в адрес Боброва язвительные замечания, тяжело вздыхал и недовольно хмурил брови.

Братья-близнецы, Сеня и Игорек, сохраняли нейтралитет. По крайней мере, внешне. Они работали в «Олимпе» совсем недавно, и каждое новое задание воспринимали как призыв к подвигу. Им нравилось тусоваться на бомондах, нравилось созерцать знаменитостей. Узнав, чью дачу им придется охранять, братья, в тайне друг от друга, стали мечтать об экстремальной ситуации. Похищении или покушении. «И вот тогда бы я, – думал каждый, – показал бы всем, на что я способен!». Но Сеня и Игорек дружили с Кириллом. Видя, как тот хмурится и переживает, предпочли не высказывать вслух свой восторг. Просто спокойно сидели на заднем сиденье и с любопытством поглядывали по сторонам.

– Думаю, что у него таких дач десять! – с уверенностью заявил один из братьев, Сеня. Он появился на свет на пятнадцать минут раньше Игорька, и по праву считался старшим.

– На фиг ему столько дач? – буркнул Кирилл и повернулся к Стрельцову. – Давай, Иван Петрович, тормози. Надо осмотреть территорию.

Стрельцов остановил «БМВ» у забора, и парни, обмениваясь короткими репликами, выбрались из салона. Из дома по-прежнему не доносилось ни звука.

– Леха говорил, что нас должны встретить, – подал голос Игорек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.